

БОЛЬШИЕ NF КНИГИ

Даниил
Андреев

РОЗА МИРА

«АЗБУКА»

Non-Fiction. Большие книги

Даниил Андреев

Роза Мира

«Азбука»

1950-1958

УДК 141.339
ББК 86.42

Андреев Д. Л.

Роза Мира / Д. Л. Андреев — «Азбука», 1950-1958 — (Non-Fiction. Большие книги)

ISBN 978-5-389-34811-0

«Роза Мира» – главное произведение русской эзотерической литературы, созданное Даниилом Андреевым, поэтом и выдающимся мыслителем-мистиком, сыном известнейшего писателя начала XX века Леонида Андреева. Написанный на основе личного духовного опыта автора, этот оригинальный религиозно-философский трактат отмечен вдохновенным видением всемирного единства. В своих прозрениях того, что лежит «за гранью» обыденного опыта, автор стремится донести до читателя образ грядущей общемировой культуры, которую автор книги и именует Розой Мира. Все созданное Даниилом Андреевым «об одном и том же: о структуре мироздания и о пронизывающей эту структуру борьбе Добра и Зла», – пишет его супруга и самый глубокий биограф Алла Александровна Андреева. В пронизанной теплым чувством статье «Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой», предваряющей в настоящем сборнике трактат «Роза Мира», супруга писателя повествует о его жизни и творческом пути, увиденных глазами самого близкого человека.

УДК 141.339

ББК 86.42

ISBN 978-5-389-34811-0

© Андреев Д. Л., 1950-1958

© Азбука, 1950-1958

Содержание

Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой	8
Книга I	24
Глава 1	24
Глава 2	40
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Даниил Леонидович Андреев

Роза Мира

© А. А. Окунев, правопреемник Д. Л. Андреева, 2026

© А. А. Андреева, наследник, статья, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2024

Издательство Азбука®

* * *

NON-FICTION

Даниил Андреев

РОЗА МИРА

Санкт-Петербург

Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой

В давние времена – они кажутся давними по тому объему событий, что легли между нами и ними, – биографию начинали с перечисления предков. Вероятно, это внимательное всматривание в земные истоки личности имеет смысл.

Отец Даниила Андреева известный русский писатель Леонид Николаевич Андреев родился на Орловщине, на той удивительной русской земле, которая была родиной стольких – прекрасных и разных – русских писателей. По семейному преданию, отец Леонида Андреева был внебрачным сыном орловского помещика Карпова (имя пока неизвестно) и дворовой девушки Глафиры. Барин выдал девушку за крепостного сапожника Андреева – отсюда фамилия. Мать Леонида Николаевича Анастасия Николаевна – осиротевшая дочка разорившегося польского шляхтича Пацковского.

Матерью Даниила была Александра Михайловна Велигорская, по отцу – полька. Фамилия Велигорские – русифицированная форма родового имени одной из ветвей графов Виельгорских (правильнее – Виельгурских), лишенных титула и состояния за участие в восстании 1863 года. По женской линии Александра Михайловна – украинка. Ее мать, бабушка Даниила, – Евфросинья Варфоломеевна Шевченко. Фамилия Шевченко, вообще очень распространенная на Украине, не совпадение, а родство с Тарасом: Варфоломей Шевченко был его троюродным братом, свояком и побратимом.

Все эти родовые нити и сплелись 2 ноября 1906 года (нового стиля) в существе, появившемся на свет в Берлине: это был второй сын Леонида Николаевича и Александры Михайловны, названный матерью Даниилом.

Даниил Леонидович всегда был – даже до странности – равнодушен к своему происхождению, никогда не пытался проводить какие-либо генеалогические изыскания. То, что изложено здесь, – результат исследования (почти расследования) сотрудников Орловского литературного музея и киевлянки Ольги Васильевны Ройцойной, жены троюродного брата Даниила – Анатолия Мефодьевича Левицкого.

Грозно и ясно встала над колыбелькой новорожденного сама Судьба.

Двадцатишестилетняя, совершенно здоровая, любимая мужем Шурочка умерла вскоре после рождения второго сына от того, что тогда называлось послеродовой горячкой. Во многих воспоминаниях современников остался ее милый, светлый облик; осталось и описание того, какой трагедией была ее смерть для Леонида Николаевича. Иногда он предстает просто обезумевшим от горя. Новорожденного – причину смерти жены – он не мог видеть. Казалось, что ребенок обречен. Но в Берлин из Москвы приехала старшая сестра Александры Михайловны Елизавета Михайловна Доброва. Она увезла в Москву осиротевшее существо, в котором едва теплилась жизнь, и ребенок обрел чудесную семью. Эту семью иначе как родной нельзя и называть. До шести лет им неотрывно занималась мать Елизаветы и Александры – Бусинька, Евфросинья Варфоломеевна Шевченко. Волевая и властная, она пользовалась безоговорочным искренним уважением всех окружающих – близких и дальних.

Пожалуй, в современном нашем Вавилоне, с башнями, которые падают задолго до середины стройки, уже почти неразличимы облики прежних городов. А ведь каждый город имел свой неповторимый духовный облик, ложившийся печатью и на жителей его: тверичанин отличался от петербуржца, москвичи были иными, чем орловцы.

Детству и юности Даниила Андреева сопутствовала Москва.

Кремль, входя в который ребенок в любое время года снимал головной убор, невзирая на вопли няньки: он знал, что в Кремль иначе входить нельзя.

Храм Христа Спасителя. Напрасно спорить о его архитектурном совершенстве или несовершенстве – это был символ Москвы, и образ Белого Храма над излучиной реки неотделим от творчества Андреева.

Очень типичная для прежней Москвы семья Добровых жила в Малом Левшинском переулке. До шестидесятых годов там стоял двухэтажный домик, ничем не примечательный. Был он очень стар, рассказывали, что пережил еще пожар Москвы в дни Наполеона. Такие дома в Москве так и назывались: донаполеоновские.

Добровы занимали весь первый этаж, а кухня и всякие подсобные помещения были в подвале, куда вела крутая и узкая лестница.

Входная дверь была прямо с переулка – большая, высокая, с медной дощечкой: «Доктор Филипп Александрович Добров». Войдя в дом, надо было подняться по нескольким широким деревянным ступеням, а встречало всех входящих огромное, во всю стену, очень красивое зеркало. Дальше большая белая, со стеклами дверь вела налево, в переднюю. Направо из передней была дверь в кабинет Филиппа Александровича, в котором позже жил его сын Александр Филиппович, потом это была комната Даниила Леонидовича, а еще позже – наша с ним, любимая, которая в книге «Русские боги» осталась в названии одной из глав: «Из маленькой комнаты».

Дверь налево из передней вела в зал. Его я уже застала разделенным занавесками на несколько клетушек, в которых уютилось все старшее поколение семьи: Филипп Александрович, Елизавета Михайловна и еще одна сестра – Екатерина Михайловна, по мужу Митрофанова.

Это произошло после революции, когда весь русский традиционный и отвечающий человеческим потребностям быт был изуродован «уплотнениями» и «коммуналками», не принесшими счастья никому, изуродовавшими не меньшее количество человеческих судеб, чем война, тюрьмы и лагеря.

А в счастливом детстве Даниила зал играл большую роль. Дом Добровых был патриархальным московским домом, а значит – хлебосольным и открытым. Открытым для очень большого количества самых разных, самых несогласных друг с другом людей, которых объединяли интеллектуальный уровень, широта интересов и уважение друг к другу.

Отголоски этого я еще застала, как застала огромный стол в передней части разгороженного зала, раздвигавшийся по праздникам при помощи вставных досок, по-моему, метров до пяти в длину.

Соседней с залом комнатой в прежние времена была спальня Филиппа Александровича и Елизаветы Михайловны, и у двери, разделявшей эти две комнаты, точнее, у замочной скважины торчал маленький Даниил, разглядывая и Шаляпина, и Бунина, и Скрябина, и актеров Художественного театра, и Горького, и еще многих, многих гостей Добровых.

Даниил не только любил Добровых – их любили все, – не только воспринимал эту семью как родную, но говорил много раз: «Как хорошо, что я рос у Добровых, а не у отца».

Детская комната Даниила располагалась дальше по коридору, ведущему из передней в глубину квартиры. Ее я уже не застала, только по его рассказам знаю, что вдоль всей комнаты на уровне детского роста висели нарисованные им портреты правителей выдуманной династии – отголосок поразившего детскую душу впечатления от «галереи царей» в Кремле: на потолке этой галереи были выложены мозаикой замечательные портреты Великих князей и Царей Московских.

Писать он начал очень рано, еще в детстве. Писал стихи и прозу: огромную эпопею, где действие разворачивалось в межпланетном пространстве. Планеты были не те, что нам известны, а все выдуманы. Они обладали собственными религиозными культами, естественно основанными на сведениях, вычитанных из детского изложения греческих мифов, но с очень

симпатичным собственным добавлением: кроме полагающихся по традиции богов Верховных, богов Войны и богинь Любви, там был еще и им придуманный бог Веселья.

До школы Даниил учился дома. У него был учитель, – к стыду своему, я забыла его имя, – очевидно, умный человек и талантливый педагог. Живой и шаловливый мальчишка по уговору с этим учителем смирал свой характер за две воскресные награды: если он всю неделю вел себя «хорошо» (вероятно, это понятие было очень растяжимым), то в воскресенье учитель рисовал ему одну букву индийского алфавита и вез его по Москве новым (для него) маршрутом трамвая.

Зная, какое веселое, ласковое детство было у этого избалованного, доброго, изобретательно-шаловливого мальчугана, удивительно звучит следующий рассказ.

Евфросинья Варфоломеевна, Бусинька, умерла, когда любимому внуку было шесть лет. Внук заболел дифтеритом, бабушка, ухаживая за ним, схватила тот же дифтерит. Внук выздоровел, бабушка умерла.

Выздоровливающий ребенок не видел ни ее смерти, ни похорон. Не знали, как ему об этом сказать.

Александра Филипповна, старшая дочь Добровых, взяла на себя трудное дело. Она стала рассказывать ребенку, что Бусинька в больнице, выздоравливает, очень его любит, но соскучилась по своей дочке, его маме. Для того чтобы с ней увидаться, надо умереть, но Бусинька беспокоится, как Даня к этому отнесется.

Постепенно старания Александры Филипповны привели к тому, что мальчик написал бабушке письмо, в котором отпустил ее к дочери, в рай.

Но тоска по бабушке, желание увидеть незнакомую мать и сложившееся в детской душе представление о смерти как дороге в рай привели к неожиданному результату. Летом после разлуки с Бусинькой Добровы и Даниил жили на Черной речке, где был дом Леонида Андреева (но не в этом доме), и мальчика поймали на мосту через речку, когда он собрался топить – не от горя, а от страстного желания увидеть потерянных близких.

Детство сменилось отрочеством, которое совпало с революцией и разрухой. Жизнь стала трудной и голодной, каждая семья искала способов выжить. Ф. А. Добров составил какие-то необыкновенные дрожжи, очень полезные и пользовавшиеся большим спросом; они так и назывались: дрожжи доктора Доброва. По-видимому, их надо было пить, и непонятно, почему никто в семье, включая самого изобретателя, не сохранил рецепта...

Дрожжи сообразно с заказами по всей Москве разносили дети: Даня и Таня, его подруга с трехлетнего возраста, соученица по школе и друг до конца жизни, Татьяна Ивановна Оловяшниковна, по мужу Морозова. Начав с этих «деловых» походов, Даниил потом всю свою юность бродил по Москве один, зачастую с вечера до утра.

Добровы были православной семьей. В доме праздновали все церковные праздники, соблюдали посты; но не было в них никакой нетерпимости: все соприкасающиеся с этой семьей были свободны в своих убеждениях, высказываниях и даже сомнениях.

Одним из близких друзей дома была актриса Художественного театра Надежда Сергеевна Бутова. Из ее ролей я знаю только роль матери Ставрогина в «Бесах». Вот она и открыла пятнадцатилетнему Даниилу глубину и духовную красоту православной обрядности, что он помнил с благодарностью всю жизнь.

Но религиозным он был не по воспитанию, не по традиции, а по всему складу своей личности.

Учился он в частной гимназии, которую окончил уже как советскую школу. Гимназия была основана Евгенией Альбертовной Репман и Верой Федоровной Федоровой. Помещалась она в Мерзляковском переулке и так и называлась – Репмановская.

Даниил очень любил гимназию, и, по-видимому, было за что любить. Об атмосфере, необычной для учебного заведения, говорит такой факт. После революции Евгения Альбертовна жила в Судаче, в Крыму. Больная, с парализованными ногами, она не имела средств к существованию. Поэтому бывшие ученики гимназии, окончившие ее в двадцатых годах, ежемесячно собирали для нее деньги. Так продолжалось до начала войны; большую роль в сборе этих денег играл Даниил.

Я думаю, что его мечта о создании особой школы – мечта всей жизни, нашедшая отражение в «Розе Мира» (воспитание человека облагороженного образа), – какими-то своими душевными истоками коренится в своеобразной атмосфере этой школы.

Эта мечта – создание школы для этически одаренных детей; не юных художников, биологов или вундеркиндов-музыкантов, а детей, обладающих особыми, именно этическими душевными качествами¹.

В одном классе с Даниилом училась девочка – я назову только ее имя – Галя, которую он полюбил в детстве и любил очень много лет. Она не любила его, и всю их юность и молодость отметила печать этих сложных отношений – глубокой дружбы и неразделенной любви. Позже был период и разделенного чувства, а то, что так расплывчато называется дружбой – глубокая душевная заинтересованность друг в друге, взаимное, лишенное всякого эгоизма желание добра, понимание, – сохранилось до самой его смерти.

Галя была человеком редкого благородства, обаяния и женственности. Ей посвящен цикл стихотворений «Лунные камни».

Здесь надо бы начать рассказывать о юности Даниила Андреева.

Но я не буду этого делать. Это несвоевременно. Очень темные и опасные круги прошел он в годы своей юности. Нет, не был он ни пьяницей, ни развратником, ничто темное в обычном смысле этого слова не присутствовало в его жизни. В этой жизни все наиболее существенное всегда лежало в плоскости иррационального. Главная тяжесть страшных дорог, пройденных им в юности, также была в плоскости нереальной. Если б не было этих темных дорог, не написал бы он многого, написанного им, – писатель пишет то, что знает своей душой; выдумывать ничего нельзя – не будет искусства в выдумке.

Ко времени юности относится его первая женитьба на сокурснице по Высшим литературным курсам, на которые он поступил после окончания школы. Женитьба была странная, и он, конечно, был очень виноват перед этой женщиной, что знал и всю жизнь помнил. А она ему заплатила за зло дружбой на всю жизнь. Она же и начала, много позже, хлопоты о его освобождении, а когда я вернулась из заключения – помогала мне хлопотать о нем.

Мне хочется отметить, что всю жизнь Даниила сопровождала искренняя, преданная дружба женщин.

Окончив литературные курсы, он понял, что печататься не будет. Никакие колебания, никакие затемнения души никогда не касались творчества, вернее – его правдивости. Места в советской действительности того времени Даниилу Андрееву – поэту – не было.

Выход нашел для него двоюродный брат, сын Филиппа Александровича Доброва – Александр Филиппович. Сам он, окончив архитектурный институт, не смог стать архитектором после перенесенного энцефалита и работал художником-оформителем. Он обучил Даниила Леонидовича писанию шрифтов, это давало возможность зарабатывать на скромную жизнь.

Писать же Даниил не переставал никогда.

Необычные черты личности определили и особенности его творчества.

¹ Насколько я знаю из рассказа Даниила, среди всевозможных затей двадцатых годов была похожая на эту. Известна судьба троих, связанных с чем-то вроде такой группы: один из них утонул, спасая тонущего; второй ушел в пещерный монастырь на Кавказе; третий заменил матери сына, ушедшего в монахи.

Ощутимое, реальное – употребляя его термин – переживание иной реальности. Таким в пятнадцать лет было для него видение Небесного Кремля над Кремлем земным.

Ошеломляющее по своей силе и многократно испытанное переживание близости святого Серафима в храме во время чтения Акафиста Преподобному.

Предошущение образа чудовища, связанного с сутью государства, позже понятого им и описанного.

Ощущение, почти видение демонниц, властвующих над Великими городами.

Мощное, полное счастья прикосновение к тем, кого он позже назвал Стихиялями, – прекрасным сущностям, духам земных стихий.

Отношение Андреева к природе нельзя назвать любовью к ней, понимая под словом «любовь» то, что обычно понимается: эстетическое любование и осознание живительности незагрязненной экологической среды.

Для него в прямом, а не в переносном смысле все кругом было живое: Земля и Небо, Ветер и Снег, Реки и Цветы.

Я помню, в какой восторг привела его признанием, что не сомневаюсь в реальном существовании домовых и дружу с ними – потому у меня дома и уютно...

Он ходил босиком всегда, когда только удавалось. Говорил, что совершенно по-разному чувствует Землю в разных местах. На мое возмущение: «Ну, Земля, это я понимаю, но что можно почувствовать на грязном городском асфальте!» – ответ последовал: «Безличное излучение человеческой массы, очень сильное».

Все, что написано в большом его труде «Роза Мира» о природе, пережито им непосредственно, как и в тех главах книги «Русские боги», которые посвящены этой теме.

Летом он бывал и под Москвой, и в Крыму, но больше всего любил уезжать в Трубчевск. К сожалению, я не помню, как он впервые туда попал. Но, раз попав, он навек был очарован этими местами. Он уходил в многодневные пешие путешествия, почти всегда один, босой, со скудным запасом немудреной еды (ел вообще мало) и курева – курильщик был заядлый. Ночевал в случайном стоге сена, в лесу на мху.

Эти путешествия откликнулись многими стихотворениями. А поэма «Немереча» – просто описание одного из таких странствий.

Мы познакомились в марте 1937 года. Познакомил нас человек, очень близкий и ему, и мне. Он по телефону вызвал Даниила на улицу. Мы подходили Малым Левшинским переулком к небольшому дому, а навстречу из двери этого дома вышел высокий, худой, стройный, несмотря на сутуловатость, человек с очень легкой и быстрой походкой. Шел сильный снег, и так я и запомнила: блоковский ночной снегопад, высокий человек со смуглым лицом и темными узкими глазами. Очень теплая рука. Так он вошел в мою жизнь, а я вошла в добровский дом, как все его называли.

В 1937 году этот дом был таким: «старики Добровы» – Филипп Александрович, уже оставивший работу во Второй градской больнице и имевший небольшую частную практику; Елизавета Михайловна, по профессии акушерка, тоже уже не работающая.

Вместе с ними жила и третья из сестер Велигорских – Екатерина Михайловна. Она работала медсестрой в психиатрической больнице, считая, что душевнобольные больше всех нуждаются в заботе и доброте. Все трое, как я уже говорила, жили в большой комнате за занавесками, а передняя часть этой комнаты служила общей столовой, и там же стоял рояль, на котором по вечерам играл Филипп Александрович.

Кроме «стариков» и Даниила, в третьей комнате, принадлежавшей семье, жили дочь Добровых Александра Филипповна и ее муж Александр Викторович Коваленский, очень интересный человек, большого, своеобразного, какого-то «холодно-пламенного» ума. Переводчик Конопницкой, Словацкого, Ибсена, он сам был незаурядным поэтом и писателем. Не печатался.

тался. Читал написанное немногим друзьям. Все его произведения уничтожили на Лубянке, он и его жена были арестованы по нашему делу. В молодости Даниила Александр Викторович имел на него большое влияние, подчас подавляющее.

Добровы так и не отвыкли от привычки жить с открытой дверью. И была эта дверь открыта в переднюю, где проходили все жильцы квартиры и все посетители, а среди жильцов была и женщина, получившая комнату по ордеру НКВД. И потеряли они в 1937 году столько друзей в недрах Лубянки! Перечисление погибших было в одной из глав романа «Странники ночи», которая называлась «Мартиролог».

Этот роман Даниил Леонидович начал писать в 1937 году. До него работал над поэмой «Песнь о Монсальвате», в некоторой степени основанной на средневековых легендах. Эту поэму он не закончил и никогда больше к ней не возвращался.

С 1937 года, по существу, шла уже наша общая с ним жизнь, сначала как очень близких друзей, позже как мужа и жены.

Так, как жили мы, жил целый круг людей в те годы, поэтому я попытаюсь рассказать, какой была эта жизнь.

Подавляющее большинство жило в то время очень бедно. Почти все обитали в коммунальных квартирах, куда по большей части были насильно впихнуты совершенно чуждые люди, несовместимые друг с другом.

Сейчас говорят, что в то время были частые снижения цен. Возможно, этого я не помню; зато хорошо помню, как мы покупали масло в количестве ста граммов или кусочек колбасы – она действительно была очень вкусна, и сортов было много, только все на цену смотрели... А в провинциальные города посылали посылки с макаронами.

Но это было лишь фоном, на котором разворачивалась настоящая жизнь. А ею, настоящей жизнью, были прекрасные концерты в Большом зале Консерватории; были встречи с друзьями – по три-четыре человека, с приглушенными (от соседей) беседами на самые, казалось бы, отвлеченные темы – для нас самые главные.

Даниил Андреев, пишущий поэму о Монсальвате, был не только понятен в своей захваченности этими образами, он был бесконечно дорог и необходим нам. Потому что для нас, русских – то есть причастных российской культуре, – тема сокрытой святыни, несущей духовную помощь жаждущим этой помощи в окружающем страшном мире, была, вероятно, самой драгоценной.

Возможно, поэтому и не шла в те годы в Большом театре опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии»: не только мы понимали насущность сокрытой святыни, но и те, кто разрушал храмы – явные святыни; кто преподавание истории в школах свел к тенденциозному рассказу о бунтах и революционных движениях, где за Спартаком непосредственно следовали крестьянские войны в Германии; кто выламывал кресты на могилах Владимира Соловьева, Языкова и Хомякова.

Православная Церковь, с вырванными, как языки, колоколами, совершала Литургию. Нет слов, чтобы выразить преклонение перед этим немеркнущим подвигом, он не замутится никогда никакой внешней, наносной неправдой. Церковь пронесла тихий огонь свечей в руках, скованных кандалами.

А на концертах в Консерватории звучала музыка Вагнера, и там мы слышали звон колоколов Монсальвата, а в Большом театре даже шел «Лоэнгрин» – скорее всего, по недомыслию...

Не знаю, как описать ту атмосферу обессиливающего, тошнотворного страха, в которой жили мы все в те годы. Мне трудно очертить границы этого «мы», – во всяком случае, это все те, кого я знала.

Я думаю, что такого страха в течение столь долгого времени не испытывал никто во всей истории цивилизованного человечества. Во-первых, по количеству слоев, им охватываемых; во-вторых, потому, что для этого страха не надо было никакой причины. И конечно, по многолетней протяженности этого калечащего души ужаса. Неправда, что 1937 год («тридцать проклятый...» и т. д.) был самым страшным. Просто в этом году огромная змея подползла вплотную к коммунистам, вот и причина крика. А началось все с начала, с 1917–1918 годов.

Лично для меня ощущение этой удавки страха на горле, то ослабевающей, то затягивающейся, возникло в 1931 году, – мне было шестнадцать лет, когда арестовали моего дядю по процессу Промпартии. Полное ужаса ожидание – вот этой ночью придут за близкими! – знали все женщины. Многих, которые целыми ночами сидели, замерев в этом ожидании, или, рыдая, металась из-за получасового опоздания мужа с работы – взяли на улице! – просто уже нет в живых. А некоторые и сейчас боятся об этом рассказать.

Эта жизнь, очень реально описанная, была фоном сложного действия, разворачивающегося в романе «Странники ночи».

В застывшей от ужаса Москве, под неусыпным взором всех окон Лубянки, ярко освещенных всю ночь, небольшая группа друзей готовится к тому времени, когда рухнет давящая всех тирания и народу, изголодавшемуся в бескрылой и страшной эпохе, нужнее всего будет пища духовная. Каждый из этих мечтателей готовится к предстоящему по-своему. Молодой архитектор Женя Моргенштерн приносит чертежи храма Солнца Мира, который должен быть выстроен на Воробьевых горах. (Кстати, на том самом месте, где выстроен новый университет.) Этот храм становится как бы символом всей группы. Венчает его крест, и присуща ему еще одна эмблема: крылатое сердце в крылатом солнце.

Руководитель, индолог Леонид Федорович Глинский (дань страстной любви Даниила к Индии), был автором интересной теории чередования красных и синих эпох в истории России. Цвета – красный и синий – условны, но условность эта понятна: синий как первенствование духовного, мистического начала, красный – преобладание материального.

Может быть, самая большая потеря, связанная с гибелью романа, – Москва, жившая в нем. Это не были описания Москвы того времени, а именно сам живой, многоплановый, трагический город!

На первом исполнении Пятой симфонии Шостаковича в Большом зале Консерватории встретились герои романа. Мы и правда были на этом концерте. В романе как бы «описывалась» симфония, часть за частью раскрывалось ее содержание, данное гениальным композитором через музыку. Какое счастье, что мы не были знакомы с Дмитрием Дмитриевичем! Не удалось бы ему отказаться от такой «расшифровки», потому что она была правильной, и написана Пятая симфония о том, как человеческую душу давит разнуздавшаяся стихия Зла и остается душе только молитва, которой симфония и заканчивается.

Ряд героев был развитием какой-либо стороны личности автора: индолог Глинский; поэт Олег Горбов; археолог Саша Горбов, совершенно по-андреевски влюбленный в природу. Он в начале романа возвращался из Трубчевска в Москву.

Роман, конечно, шел от традиции Достоевского, страстно любимого Даниилом Андреевым. Это не было подражанием Достоевскому, но проблемы романа были сродни проблемам романов великого писателя и по своей русскости, и по причастности этих проблем к общечеловеческим – о Добре и Зле и их проявлении в мире.

Даниил всегда приходил в гости с тетрадкой стихов или с новой главой романа. Однажды он сказал мне: «Лучшее, что во мне есть, это мое творчество. Вот я и иду к друзьям со своим лучшим».

Он был очень застенчив и совершенно не способен «блистать в обществе». Поэтому свою незаурядность мог проявить не непосредственно, а как бы отделив от себя, как это делает художник.

Война застала его за работой над «Странниками ночи». Он зарыл рукопись в землю и вернулся к стихам. Написал цикл стихотворений «Янтари», посвященный реальной женщине, — ее образ косвенно отражен был в романе. Работал над поэмой «Германцы», но не закончил ее — в конце 1942 года его мобилизовали.

Филипп Александрович Добров скончался за два месяца до начала войны. Елизавета Михайловна — осенью 1942 года, Екатерина Михайловна — в середине войны. Даниил, вернувшись, ее уже не застал.

По состоянию здоровья он был нестроевым рядовым. Сначала состоял при штабе формирующихся в Кубинке под Москвой воинских частей; позже, зимой 1943-го, в составе 196-й стрелковой дивизии шел ледовой трассой Ладоги в осажденный, страшный Ленинград. Но об этом написана его поэма «Ленинградский Апокалипсис», одна из глав «Русских богов», и незачем мне ее пересказывать.

После Ленинграда были Шлиссельбург и Синявино — названия, которые незабываемы для людей, переживших войну, так же как Ельня, Ярцево и много других...

Служа в похоронной команде, Даниил Леонидович хоронил убитых в братских могилах, читал над ними православные заупокойные молитвы.

Подтаскивая снаряды, надорвался и попал в медсанбат. Там его и оставили санитаром; два человека постарались сохранить ему жизнь: начальник госпиталя Александр Петрович Цаплин и врач Николай Павлович Амуров.

В последние месяцы войны из действующей армии отзывали специалистов для работы в тылу. Горком графиков, членом которого он был как художник-шрифтовик, вызвал его с фронта, и последнюю военную зиму Даниил Леонидович служил в Москве, в Музее связи, художником-оформителем.

Конечно, имея возможность бывать дома, он вернулся к работе над романом. Когда рукопись романа была извлечена из земли, оказалось, что неопытный конспиратор зарыл ее очень плохо: написана она была от руки, чернилами, и чернила расплылись.

Он начал все сначала, теперь на машинке, кстати когда-то принадлежавшей Леониду Андрееву и случайно оставшейся в Москве. Переработанное произведение на глазах от главы к главе становилось значительнее.

По окончании войны близкие друзья Даниила, географы Сергей Николаевич Матвеев и его жена Мария Самойловна Калецкая, обеспокоенные нашей действительно вопиющей материальной неустроенностью, нашли для него неожиданную форму заработка. (Я, член Союза художников, не могла найти никакой работы, кроме изготовления копий.) Вместе с Сергеем Николаевичем Даниил написал небольшую книгу о русских исследователях горной Средней Азии. Со стороны Матвеева было имя уважаемого ученого и конкретный материал; со стороны Андреева — литературная обработка этого материала. Работа не была творчеством, это было честной, искренней, научно и литературно квалифицированной популяризацией.

Тоненькая книжка вышла в Географгизе, в 1946 году последовал следующий заказ: книга о русских путешественниках в Африке. Даниил работал над этой тоже небольшой книжкой с горячим увлечением, хотя и разрывался между ней и романом.

Материал он разыскивал в Ленинской библиотеке. Однажды пришел сияющий и сообщил мне, что нашел сведения об африканской реке, названной именем Николая Степановича Гумилева.

Что Гумилев был любимейшим поэтом Даниила Андреева, рядом с Лермонтовым, Алексеем Константиновичем Толстым и Блоком, можно не писать — это ясно из стихов, да и не могло быть иначе.

Книжка о русских путешественниках в Африке была написана, набрана — и набор рассыпан. Больше я о ней ничего не знаю.

В апреле 1947 года Даниилу Леонидовичу было сделано странное предложение: лететь в Харьков вместе с двумя-тремя спутниками и прочесть там лекцию на материале своей еще не напечатанной книги о русских путешественниках. Что это было, мы так никогда и не узнали. Скорее всего, чекистская инсценировка с самого начала.

Рано утром 21 апреля за Даниилом приехала легковая машина, в которой сидел кто-то в штатском, безличного вида и, тоже в штатском, любезно суетившийся «устроитель». Я, стоя у дверей, проводила его. По дороге на аэродром его арестовали, а я получила из Харькова телеграмму, якобы за его подписью, о благополучном прибытии.

За мной пришли вечером 23 апреля. Обыск длился четырнадцать часов. Конечно, взяли роман – его и искали – и все, что только было в доме рукописного или машинописного. Утром увезли и меня – тоже на легковой машине.

Для характеристики атмосферы того времени: из всех жильцов квартиры в переднюю, когда меня уводили, вышла одна, Анна Сергеевна Ломакина, сама, как и ее муж, отсидевшая, мать маленьких детей. Она подошла ко мне, поцеловала и дала немного черного хлеба и несколько кусочков сахара. Я благодарно запомнила это – так не поступали от страха.

Даниила много раз забирали на Лубянку на два-три дня в предвоенные годы: была такая система превентивных арестов на дни советских праздников. На фронте тоже был какой-то вызов, о котором он вскользь рассказал.

Позже по «делу Андреева» взяли многих родных, друзей, знакомых. Потом к нашей «преступной группе» прибавляли уже и незнакомых, просто «таких же».

Героев на следствии среди нас не было. Думаю, что хуже всех была я; правда, подписывая «статью 206», то есть знакомясь со всеми документами в конце следствия, я не видела разницы в показаниях. Почему на фоне героических партизан, антифашистов, членов Сопротивления так слабы были многие из русских интеллигентов? Об этом не любят рассказывать.

Понятия непорядочности и предательства в таких масштабах отпадают. Многие из тех, кто оговаривал на следствии себя и других (а это подчас было одно и то же), заслуживают величайшего уважения в своей остальной жизни.

Основных причин я вижу две. Страх, продолжавшийся не одно десятилетие, который заранее подтачивал волю к сопротивлению, причем именно к сопротивлению «органам». Большая часть людей, безусловно достойных имени героев, держались героически короткое время и в экстремальных условиях по сравнению с их обычной жизнью. У нас же нормой был именно этот выматывающий душу страх, именно он был нашей повседневной жизнью.

А вторая причина та, что мы никогда не были политическими деятелями. Есть целый комплекс черт характера и правил поведения, который должен быть присущ политическому деятелю – революционеру или контрреволюционеру, это все равно, – у нас его не было.

Мы были духовным противостоянием эпохе при всей нашей слабости и незащитности. Этим-то противостоянием и были страшны для всевластной тирании. Я думаю, что те, кто пронес слабые огоньки зажженных свечей сквозь бурю и непогоду, не всегда даже осознавая это, свое дело сделали.

А у меня было еще одно. Я не могла забыть, что напротив меня сидит и допрашивает меня такой же русский, как я. Это использовали, меня много раз обманули и поймали на все провокации, какие только придумали. И все же даже теперь, поняв, как недопустимо я была не права тогда, я не могу полностью отрезать «нас» от «них». Это – разные стороны одной огромной национальной трагедии, и да поможет Господь всем нам, кому дорога Россия, понять и преодолеть этот страшный узел.

И еще надо сказать: все, кого брали в более поздние времена, знали, что о них заговорит какой-нибудь голос, что существуют какие-то «права человека», что родные и друзья сделают все, что будет в их силах.

В те годы брали навек. Арест значил мрак, безмолвие и муку, а мысль о близких только удесятерила отчаяние.

Наше следствие продолжалось девятнадцать месяцев: тринадцать на Лубянке, во внутренней тюрьме, и шесть – в Лефортове. Основой обвинения был антисоветский роман и стихи, которые читали или слушали несколько человек. Но этого прокурору было мало, и к обвинению была добавлена статья УК 58–8, Даниилу Леонидовичу «через 19» – подготовка террористического акта, мне и еще нескольким «через 17» – помощь в подготовке покушения. Эта галиматья – дело шло о покушении на Сталина – была основана на вполне осознанном и крайне отрицательном отношении к Сталину, которое сейчас стало почти обязательным, но было у многих всегда. Неправда, что русский народ, готовый преклоняться перед кем угодно, весь поклонился Сталину, преклонялись в основном те, кому это так или иначе было нужно.

Реалистичность романа сыграла утяжеляющую роль. О героях его допрашивали как о живых людях, особенно об Алексее Юрьевиче Серпуховском, отличавшемся от остальной группы готовностью к действиям, а не мечтам. Именно Серпуховской не имел прообраза в окружении Андреева. Он был им почувствован, уловлен во всем трагическом мареве той жизни – его не могло не быть. Естественно, что понять процесс творчества писателя следственные органы не могли и упорно добивались – с кого списано. Тем более что, подчеркивая одновременно верную интуицию Андреева и бдительность «органов», чуть позже нас была арестована группа людей, которые могли бы быть и героями романа, и нашими знакомыми. Но не были.

Долго у нас искали оружие. Его тоже не было. Судило нас ОСО – «тройка». Это значит, что никакого суда не было и однодельцы друг друга не видали. Нас поодиночке вызывали в кабинеты и зачитывали приговоры. Даниил Андреев, как основной проходящий по делу (теперь это называется «паровоз»), получил двадцать пять лет тюремного заключения. Я и еще несколько родных и друзей – по двадцать пять лет лагерей строгого режима. Остальные – по десять лет лагерей строгого режима.

Надо сказать, что двадцатипятилетний приговор в то время был высшей мерой. На короткое время в Союзе смертная казнь была заменена двадцатипятилетним заключением. Только поэтому мы и остались в живых. Немного раньше или немного позже были бы расстреляны.

После следствия Даниил Леонидович и я видели акт о сожжении романа, стихов, писем, дневников и писем Леонида Андреева маленькому сыну и Добровым, которых он очень любил. На этом акте Даниил Леонидович написал (помню приблизительно): «Протестую против уничтожения романа и стихов. Прошу сохранить до моего освобождения. Письма отца прошу передать в Литературный музей». Думаю, что все погибло.

Даниил Андреев отправился во Владимирскую тюрьму. Несколько человек (в том числе я) – в Мордовские лагеря.

Что такое тюремная камера сталинских времен? Комната, каменная, душная, вонючая. Количество заключенных меняется: может быть двое, может быть и десять. В углу – «параша» – железный бак для отправления естественных надобностей всех находящихся в камере. Утром и вечером этот бак под конвоем выносят и выливают в туалет – это называется «оправка».

Снаружи окна камеры закрыты щитами, кажется свинцовыми, так, что сверху в щель попадает немного дневного света. Эти щиты назывались «намордниками». Сейчас они заменены в тюрьмах на жалюзи.

Под потолком круглые сутки горит голая электрическая лампочка.

«Прогулки» были короткими, буквально глотками воздуха. Вся камера выводилась в закрытый дворик. Нечто подобное можно увидеть на картине Ван Гога «Прогулка заключенных», только там она происходит в совсем закрытом помещении.

Еда совсем плохая: «баланда» – жидкая похлебка неизвестно из чего; жидкая каша, два кусочка сахара, немного масла; кажется, и котлеты. Только раз в месяц это могло быть скрашено посылкой. Их отправляли мои родители, иногда с помощью друзей Даниила.

Книги в тюрьме заключенным выдавали, но не те, которые могли бы быть использованы Андреевым в его работе. Единственная попавшаяся в тюрьме книга, совпадавшая по направленности, – «Два града» отца Сергея Булгакова.

Так он прожил не год и не три, а полных десять лет.

А о плохом Даниил рассказывал, например, так: «Знаешь, носовые платки – великая вещь! Если один подстелить под себя, а другой – сверху, кажется, что не так холодно».

Я описала внешние условия, в которых написаны все произведения Даниила.

Сергей Николаевич Матвеев умер в лагере от прободения язвы. Александра Филипповна Доброва умерла в лагере от рака. Александр Филиппович Добров умер от туберкулеза в Зубово-Полянском инвалидном доме, уже освободившись и не имея куда приехать в Москве.

Может показаться странным то, что я сейчас скажу. Когда мы встретились с Даниилом и были неразлучны уже до его смерти, мы почти ничего не рассказывали друг другу о следствии и заключении. Пути мы прошли параллельные и понимали друг друга с полуслова, а рассказывать было не нужно.

Я знаю, что условия Владимирской тюрьмы были очень тяжелы. Также знаю, что там сложились крепкие дружеские отношения у многих заключенных, очень поддерживавшие их.

В разное время с Даниилом Леонидовичем были: Василий Витальевич Шульгин; академик Василий Васильевич Парин; историк Лев Львович Раков; сын генерала Кутепова; грузинский меньшевик Симон Гогиберидзе, отсидевший во Владимире двадцать пять лет; японский «военный преступник» Танака-сан. Искусствовед Владимир Александрович Александров, освободившийся раньше всех, помог по просьбе Даниила разыскать и привести в порядок могилу Александры Михайловны и ее матери на Новодевичьем кладбище.

Конечно, сокамерников было за годы, проведенные в тюрьме, гораздо больше, но я не помню их имен.

Одно время камера Владимирской тюрьмы, в которой оказались вместе некоторые из перечисленных мною, получила шуточное название «академической». К ним подселили уголовников. Количества я не знаю, а «качество» легко себе представить: по уголовной статье тюремный приговор получают только настоящие преступники.

«Академическая» камера спокойно встретила пришельцев. В. В. Парин стал читать им лекции по физиологии, Л. Л. Раков – по военной истории, а Д. Л. Андреев написал краткое пособие по стихосложению и учил их писать стихи.

А еще эти трое заключенных – Парин, Раков и Андреев – написали двухтомный труд «Новейший Плутарх» – гротескные вымышленные биографии самых разнообразных деятелей. Л. Л. Раков снабдил это уникальное произведение чудесными рисунками.

Теперь я должна попытаться написать о самом главном, о том, что является основой творчества Даниила Андреева, в том числе и истоком книги «Русские боги».

Сделать это трудно, потому что придется говорить о вещах недоказуемых. Те, для кого мир не исчерпывается видимым и осязаемым (в крайнем случае логически доказуемым), для кого иная реальность – не меньшая реальность, чем окружающая материальная, поверят без доказательств. Если наш мир не единственный, а есть и другие, значит между ними возможно взаимопроникновение – что же тут доказывать?

Те, для кого Вселенная ограничивается видимым, слышимым и осязаемым, – не поверят.

Я говорила о моментах в жизни Даниила Леонидовича, когда в мир «этот» мощно врвался мир «иной». В тюрьме эти прорывы стали частыми, и постепенно перед ним возникла

система Вселенной и категорическое требование: посвятить свой поэтический дар вести об этой системе.

Иногда такие состояния посещали его во сне, иногда на грани сна, иногда наяву. Во сне по мирам иным (из того, что он понял и сказал мне) его водили Лермонтов, Достоевский и Блок – такие, каковы они сейчас.

Так родились три его основных произведения: «Роза Мира», «Русские боги», «Железная мистерия». Они все – об одном и том же: о структуре мироздания и о пронизывающей эту структуру борьбе Добра и Зла.

Даниил Андреев не только в стихах и поэмах, но и в прозаической «Розе Мира» – поэт, а не философ. Он поэт в древнем значении этого понятия, где мысль, слово, чувство, музыка (в его творчестве – музыкальность и ритмичность стихов) слиты в единое явление. Именно такому явлению древние культуры давали имя – поэт.

Весь строй его творчества, образный, а не логический, все его отношение к миру как к становящемуся мифу – поэзия, а не философия.

Возможны ли искажения при передаче человеческим языком образов иноматериальных, понятий незнакомого нам ряда? Я думаю, что не только возможны, но неминуемы. Человеческое сознание не может не вносить привычных понятий, логических выводов, даже просто личных пристрастий и антипатий. Но мне кажется, читая Андреева, убеждаешься в его стремлении быть, насколько хватает дара, чистым передатчиком увиденного и услышанного.

Никакой «техники», никакой «системы медитаций» у него не было. Единственным духовным упражнением была православная молитва да еще молитва «собственными словами».

Я думаю, что инфаркт, перенесенный им в 1954 году и приведший к ранней смерти (в 1959-м), был следствием этих состояний, был платой человеческой плоти за те знания, которые ему открылись. И как ни чудовищно прозвучат мои слова, как ни бесконечно жаль, что не отпустила ему Судьба еще хоть несколько лет для работы, все же смерть – не слишком большая и, может быть, самая чистая расплата за погружение в те миры, которое выпало на его долю.

В «Розе Мира» он вводит понятие «вестник» – художник, осуществляющий в своем творчестве связь между мирами. Таким он и был.

Василий Васильевич Парин, советский академик, физиолог, атеист, очень подружившийся в тюрьме с Даниилом, с удивлением рассказывал мне: «Было такое впечатление, что он не пишет, в смысле „сочиняет“, а едва успевает записывать то, что потоком на него льется».

Не писать Даниил не мог. Он говорил мне, что два года фронта были для него тяжелее десяти лет тюрьмы. Не из страха смерти – смерть в тюрьме была вполне реальна и могла оказаться более мучительной, чем на войне, – а из-за невозможности творчества.

Сначала он писал в камере на случайных клочках бумаги. При «шмонах» эти листки отбирали. Он писал снова. Вся камера участвовала в сохранении написанного, включая «военных преступников», немцев и японцев, которые, не зная языка, не знали, что помогают прятать, – это была солидарность узников.

После смерти Сталина и Берии было заменено тюремное начальство. Начальником режима стал Давид Иванович Крот, облегчивший режим, разрешивший переписку, разрешивший свидания с родными. Во Владимирскую тюрьму на свидания, продолжавшиеся час или два, стала ездить моя мать, а я в Мордовском лагере стала получать открытки и письма, исписанные стихами мельчайшим почерком, который, вероятно, вконец измучил лагерного цензора. Но письма он отдавал.

Вот тогда и были написаны черновики «Розы Мира», «Русских богов» и «Железной мистерии»; восстановлены написанные до ареста «Янтари», «Древняя память», «Лесная кровь», «Предгорья», «Лунные камни»; написан цикл стихотворений «Устье жизни». Отрывки из поэмы «Германцы», которые он вспомнил, вошли в главу «Из маленькой комнаты» книги «Русские боги».

Время шло. В 1956 году начала работу хрущевская Комиссия по пересмотру дел политзаключенных. Эти комиссии работали по всем лагерям и тюрьмам. На волю вышли, я думаю, миллионы заключенных. На том лагпункте, где была я, из двух тысяч женщин к концу работы комиссии осталось всего одиннадцать. Один из «великих арестантских путей», железная дорога «Москва – Караганда» через Потьму летом 1956 года всеми поездами везла освобожденных, а вдоль путей стояли люди и приветственно махали руками этим поездам.

Меня освободили в самом конце работы комиссии и очень буднично: надзиратель вошел в барак и сказал: «Андреева, собирайся с вещами, завтра выходишь на волю».

Я и вышла, в золотеющий мордовский лес. 15 августа была в Москве, 25 августа 1956 года – на первом свидании с мужем во Владимире.

Мы увиделись в малюсенькой комнате. Он уже ждал меня, его привели раньше. Очень худой, седой, голова не была обрита, как полагалось заключенным. О радости нечего и говорить – поднял меня на руки.

Надзирательница смотрела на нас, полная искренних сентиментальных чувств, и не видела, как Даниил под столиком, нас разделявшим, передал мне четвертушку тетради со стихами, а я ее спрятала в платье.

Комиссия снизила ему срок с двадцати пяти до десяти лет. Оставалось еще восемь месяцев, но не это было страшно, а то, что при освобождении по концу срока не снималась судимость, а это значило – отказ в прописке в Москве. А он умирал, и это знали все. И он знал.

Такое решение комиссии было вызвано его собственным заявлением, на эту комиссию поданным. По смыслу оно было таким: «Я никого не собирался убивать, в этой части прошу мое дело пересмотреть. Но пока в Советском Союзе не будет свободы совести, свободы слова и свободы печати, прошу не считать меня полностью советским человеком».

Было ясно, что надо хлопотать об еще одном пересмотре дела, но прежде всего надо было спасти черновые рукописи, созданные в тюрьме. Поняв, что для пересмотра его привезут в Москву, мы договорились, что все рукописи он оставит в тюрьме. Узнав, что его привезли на Лубянку, я поехала во Владимир как бы на свидание. Меня провели к начальнику режима Давиду Ивановичу, о котором я упоминала. Он сказал мне, что Даниила Леонидовича увезли в Москву, а потом отдал мне мешок с вещами, оставленный Даниилом. В автобусе, по дороге в Москву, я уже выхватывала из мешка тетради с черновиками стихов и «Розы Мира». Там была нарочитая путаница: тапочки, книжки, тетрадки, рубашка и т. д.

Но Давид Иванович знал, что отдает мне, и сделал это сознательно.

А начавшееся в Москве переследствие совсем не обещало благополучного конца.

Даниил Леонидович рассказывал, что допросы были только днем и запись вела стенографистка. Очень скоро по характеру задаваемых вопросов он понял, что следователь собирает материал для нового срока, «шьет дело».

Я пробилась на прием к этому следователю – передо мной был персонаж сталинского времени: крупный, тяжелый, большеликий, с ледяными выпуклыми глазами.

Я не помню короткого и ничего не значащего разговора с ним. Было ясно: безнадежно. Новый срок.

В лагере на очень короткое время скрестилась моя дорога с четырнадцатилетней дорогой по лагерям одной женщины – надеюсь, что она жива; ее имя – Валентина Пикина. В 1956-м и 1957 годах она, реабилитированная, работала в ЦК, занимаясь восстановлением в партии реабилитированных коммунистов. С ней меня и свели реабилитированные старые коммунистки, отбывавшие срок в Мордовии. По ее совету я написала отчаянное заявление о том, что моего мужа, смертельно больного, допрашивают и я прошу – как странно это сейчас прозвучит! – психиатрической экспертизы. Как В. П. все сделала, я не знаю, но Даниила перевели в Институт им. Сербского, который не был тогда тем черным местом, каким стал позже. Через три-

четыре месяца последовало заключение: «лабильная психика». Это значило, что роковое заявление, из-за которого ему оставили срок, хотя и уменьшенный, он мог написать в состоянии депрессии. А она может наступать и проходить.

Вот как это выглядело для него по его рассказу; он не знал о моих хлопотах, связи между нами не было никакой, кроме передач.

На одном из допросов его спросили об отношении к Сталину.

«Ты знаешь, как я плохо говорю».

Это была правда, он был из тех, кто пишет, но не любит и не умеет говорить – из застенчивости.

«Так вот, я не знаю, что со мной произошло, но это было настоящее вдохновение. Я говорил прекрасно, умно, логично и совершенно убийственно – как для „отца народов“, так и для себя самого. Вдруг я почувствовал, что происходит что-то необычное. Следовательно сидел неподвижно, стиснув зубы, а стенографистка не записывала – конечно, по его знаку».

После этого незафиксированного допроса его и увезли к Сербскому.

Утром 21 апреля 1957 года он вышел на свободу из двери огромной крепости на Лубянке в залитую солнцем Москву и пришел на Кузнецкий Мост, 24, в приемную, где я его ждала, застыв от волнения. Мы взялись за руки и пошли в Подсосенский переулок к моим родителям, потому что ничего своего у нас не было.

Началась последняя глава жизни Даниила Андреева.

Жили мы с ним где попало: у моих родителей, у друзей на даче, в Доме творчества в Малеевке (это сделал Союз писателей), в деревне за Переславлем-Залесским, в деревне на Оке, в Доме творчества художников на Северном Кавказе. Даже снимали крошечную квартирку в Ащеуловом переулке в Москве.

Первый год мы просто нищенствовали: друзья собирали и приносили нам деньги, стараясь, чтобы мы не знали от кого. Через год Даниилу Леонидовичу заплатили по специальному ходатайству Союза писателей за самую маленькую из книг Леонида Андреева, к тому времени изданных, и дали персональную пенсию – 1200 рублей старыми деньгами, то есть 120 новыми. Можно было платить за квартиру, снятую сначала на деньги моих родителей и друзей, и окружить умирающего всем, что только могло облегчить его болезнь. Я искать работу не могла, от него нельзя было отойти, да и сама я, как оказалось, была очень серьезно больна.

В. В. Парин сделал все, что мог, для спасения жизни друга: его лечили в кардиологическом отделении Института им. Вишневского, где он за последние два года жизни несколько раз лежал. А меня медсестры научили оказывать первую помощь вместо «неотложки».

Едва кончался очередной сердечный приступ, он брался за работу.

Удивительные были эти два года! Когда я сейчас смотрю на то, что называется «литературным наследием Даниила Андреева», я не понимаю, как мог смертельно больной, только что вышедший из десятилетнего заключения, бездомный, ничего не имеющий человек столько сделать! (Да еще перевести по подстрочнику несколько японских рассказов Фумико Хаяси, изданных уже после его смерти.)

Мы жили как бы внутри его мироздания, только по необходимости соприкасаясь с реальным миром. Настоящей реальностью было то, что он писал, а он читал мне каждую страницу, каждое стихотворение.

Одним из праздников, отметивших возвращение, было посещение Большого зала Консерватории. Исполнялась одна из симфоний Шостаковича – я не помню какая и не помню, кто дирижировал, хотя, мне кажется, это был Мравинский – для нас переключка с тем, таким памятным, исполнением Пятой симфонии.

Даниил отказался от предложения подняться на лифте, даже рассердился: «Как ты не понимаешь, что для меня важно именно подняться по этой лестнице! Эта лестница – один из

самых драгоценных символов возвращения в Москву!» И поднялся. Медленно, с остановками, но по той широкой белой лестнице, которая так дорога настоящим москвичам.

Даниил Леонидович требовал, чтобы никто, кроме меня, не знал о его работе над «Розой Мира». Требовал, чтобы я уничтожала все письма, приходящие на его имя, – для того, чтобы, если арестуют еще раз, ни один человек не был крепко связан с нами. У него совершенно не было чувства безопасности. Наоборот, он считал, что слежка за нами идет по-прежнему. А «мы» – это было его творчество.

Я же, подчиняясь его требованиям, считала такое состояние результатом тюремного шока, зная, что никто не возвращается из заключения с неповрежденной психикой. Оказалось, что поврежденная психика была у меня, неизлечимо доверчивой и легкомысленной. А он был прав.

Освободившись, мы были встречены любящими друзьями Даниила. Были и новые друзья. Одной из таких была молоденькая племянница сокамерника Даниила, очень о нас заботившаяся. Она была на заметке в ГБ, потому что ездила на свидание с дядей. Когда она стала часто бывать у нас, ее вызвали и предложили сообщать о том, кто у нас бывает, а главное – что Андреев пишет. На ее слова о ставших известными ужасах и несправедливостях, которым подвергались такие люди, как мы, в сталинские годы, ответ был прост и выразителен: «Что-то было напрасно, а что-то и нет. Некоторым людям самое место именно там, откуда их выпустили».

Абсолютно порядочная и умная девушка поступила просто: мягко отдалилась от нас, чтобы иметь возможность не отвечать ни на какие вопросы. Рассказала она мне все уже через несколько лет после смерти Даниила.

Это был 1958 год.

Стенокардия Даниила Леонидовича имела ярко выраженный эмоциональный характер. Естественно, что никаких физических нагрузок нельзя было допускать; их и не было. Но любое волнение, любое сильное впечатление, даже радостное, вызывало сердечный приступ.

Работа подвигалась. Болезнь тоже. Наперегонки.

Осенью 1958 года мы поехали в Дом творчества художников в Горячий Ключ на Северном Кавказе. В самом Доме творчества, в долине, жить, как оказалось, Даниилу было нельзя из-за испарений самого Горячего Ключа. Мы сняли маленький белый домик на горе, и наступила последняя – слава Богу, прекрасная – осень его жизни.

Золотели огромные чинары, уходившие в совершенно синее небо, внизу огнем горел подлесок азалий; в крохотной кухне я по вечерам топила печку, и был наш любимый живой огонь. За печкой свирители сверчки, а ночью перед порогом ложился хозяйский пес, дворняга, трогательно подружившийся с нами.

Я даже уходила писать пейзажи, чему радовались мы оба: это было похоже на нормальную жизнь.

К сильным приступам за грудины добавились приступы удушья.

12 октября 1958 года он закончил «Розу Мира». Я вернулась домой с этюдником и подошла к нему – он работал в саду. Дописав последнюю строчку, он сказал мне очень серьезно и печально: «Я кончил книгу. Но, знаешь, не рад. Как у Пушкина:

Миг вожде́ленный настал: окончен мой труд многоле́тний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?»

А это был конец. С этого момента болезнь пошла все быстрее и быстрее. Было такое чувство, будто ангел, поддерживавший его все время, с последней строчкой этой книги тихо разжал руки – и все понеслось навстречу смерти.

В начале ноября 1958 года я с трудом довезла его до Москвы.

Не перечислить, даже не вспомнить всех чужих людей, которые помогали нам в эти два года. Я была одна непосредственно около него и постоянно обращалась к первым встречным за помощью, никогда не встречая отказа.

В конце февраля 1959 года мы наконец получили пятнадцатиметровую комнату в двухкомнатной коммуналке, и друзья, взяв его из больницы, на руках внесли на второй этаж дома № 82 по Ленинскому проспекту – тогда это был последний дом города, дальше начинались пустыри.

Наступили последние сорок дней жизни. Они были совсем нереальны. Умирал он тяжело. Мистически эта душа, видно, должна была еще что-то искупить на Земле. А реально – я не давала умереть: не отходила от него, вцеплялась во врачей, требуя еще что-то сделать, по существу, продлевала агонию. А в промежутках был его мир, потому что рукописи он не выпускал из рук и погружался в них, едва становилось чуть легче.

Друзья, сменяя друг друга, приезжали каждый день, привозили все необходимое и сидели на кухне, ненадолго заходя в комнату, – больше он не выдерживал. Соседка, совсем чужая и совсем простая женщина, с утра забирала двоих детей и уезжала к родственникам до вечера.

Ни с кем не хотел он говорить о своей болезни, удивлял тем, что помнил и расспрашивал о том, что было важно для вошедшего.

Однажды продиктовал мне список тех, кого хотел бы видеть на своих похоронах – это он так выразился... Список я передала Борису Чукову, верному молодому другу, и тот постарался выполнить волю Даниила. Он же сделал прекрасные фотографии за месяц до смерти.

Совсем незадолго до конца попросил меня прочесть ему сборник «Зеленою поймой». Я прочла и посмотрела на него. На глазах у него были слезы. Он сказал, как о чужом: «Хорошие стихи».

В 1958 году нас познакомили с замечательным московским священником протоиереем Николаем Голубцовым. Отец Николай исповедовал и причащал нас, а 4 июня 1958 года он обвенчал нас в Ризположенском храме на Шаболовке. В пустом храме, без хора, с двумя друзьями-свидетелями и двумя храмовыми прислужницами.

Через четыре дня мы отправились на пароходе Москва – Уфа в наше свадебное путешествие. Было прекрасно, и чувствовал он себя тогда еще сносно. А рукописи были с нами. Однажды он, сидевший на палубе, позвал меня. Я выбежала из каюты, мы подходили к Ярославлю, было раннее утро, и сквозь редящийся туман сияли ярославские храмы. Это – образ той поэмы, «Плаванье к Небесному Кремлю», которую он «не успел написать».

Даниила поместили в больницу. С черного хода с помощью нянечек отец Николай прошел в палату, где последний раз лежал Даниил, чтобы исповедать и причастить его. И дома, совсем перед смертью тоже исповедовал и причащал. А потом отпевал, сначала дома, потом – в Ризположенском храме... Даниил умер 30 марта 1959 года, в день Алексея Божьего человека. Гроб стоял на том же месте, в приделе Св. Екатерины, где за десять месяцев до этого нас венчали. Похоронен Даниил Андреев на Новодевичьем кладбище, рядом с матерью и бабушкой, на месте, купленном в 1906 году Леонидом Андреевым для себя.

А. А. Андреева

Книга I

Роза Мира и ее место в истории

Глава 1

Роза Мира и ее ближайшие задачи

Эта книга начиналась, когда опасность неслыханного бедствия уже нависала над человечеством; когда поколение, едва начавшее оправляться от потрясений Второй мировой войны, с ужасом убеждалось, что над горизонтом уже клубится, сгущаясь, странная мгла – предвестие катастрофы еще более грозной, войны еще более опустошающей. Я начинал эту книгу в самые глухие годы тирании, довлевшей над двумястами миллионами людей. Я начинал ее в тюрьме, носившей название политического изолятора. Я писал ее тайком. Рукопись я прятал, и добрые силы – люди и не люди – укрывали ее во время обысков. И каждый день я ожидал, что рукопись будет отобрана и уничтожена, как была уничтожена моя предыдущая работа, отнявшая десять лет жизни и приведшая меня в политический изолятор².

Книга «Роза Мира» заканчивается несколько лет спустя, когда опасность третьей мировой³ войны не поднимается уже, подобно мглистым тучам, из-за горизонта, но простерлась над нашими головами, закрыв зенит и быстро спускаясь от него вниз, по всем сторонам небосклона.

А может быть, обойдется? – Такая надежда теплится в душе каждого, и без подобной надежды нельзя было бы жить. Одни пытаются подкрепить ее логическими доводами и активными действиями. Некоторые ухитряются убедить самих себя в том, будто опасность преувеличивается. Третьи стараются не думать о ней совсем, погружаясь в заботы своего маленького мирка и раз навсегда решив про себя: будь что будет. Есть и такие, в чьей душе надежда тлеет угасающей искрой и кто живет, движется, работает лишь по инерции.

Я заканчиваю рукопись «Розы Мира» на свободе, в золотом осеннем саду. Тот, под чьим иглом изнемогала страна⁴, давно уже пожинает в иных мирах плоды того, что посеял в этом. И все-таки последние страницы рукописи я прячу так же, как прятал первые⁵, и не смею посвящать в ее содержание ни единую живую душу, и по-прежнему нет у меня уверенности, что книга не будет уничтожена, что духовный опыт, которым она насыщена, окажется переданным хоть кому-нибудь.

А может быть – обойдется, тирания никогда не возвратится? Может быть, человечество сохранит навеки память о страшном историческом опыте России? – Такая надежда теплится в душе всякого, и без этой надежды было бы тошно жить.

Но я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией. Такие люди не верят в то, что корни войн и тираний уже

² Рукопись «Розы Мира» была начата в 1950 г. во Владимирском политизоляторе. Д. Андреев был приговорен к 25-летнему сроку тюремного заключения по делу о покушении на Сталина, от начала и до конца сфабрикованному МГБ (Министерством государственной безопасности). В основу дела легла другая работа Д. Андреева, роман «Странники ночи», начатый им в 1937 г. Роман был уничтожен в подвалах Лубянки после ареста автора. (*Здесь и далее – примечания редактора. Примечания автора оговорены в каждом конкретном случае.*)

³ «Роза Мира» была закончена в самом конце 1958 г., когда до Карибского кризиса оставалось не больше полутора лет.

⁴ Для читателей, не очень хорошо знакомых с русскими реалиями середины XX в., поясним, что речь идет о И. В. Сталине.

⁵ Опасения автора не беспочвенны. По некоторым сведениям, уже после его смерти КГБ охотился за рукописью «Розы Мира», которую только в начале 1980-х гг. удалось переправить за границу. Она и поныне хранится в Русском архиве английского университета в Лидсе.

изжиты в человечестве или изживутся в короткий срок. Может быть устранена опасность данной тирании, данной войны, но некоторое время спустя возникнет угроза следующих. Оба этих бедствия были для нас своего рода апокалипсисами – откровениями о могуществе мирового Зла и о его вековой борьбе с силами Света. Люди других эпох, вероятно, не поняли бы нас; наша тревога показалась бы им преувеличенной, наше мироощущение – болезненным. Но не преувеличено такое представление об исторических закономерностях, какое выжглось в человеческом существе полувековым созерцанием и соучастием в событиях и процессах небывалого размаха. И не может быть болезненным тот итог, который сформировался в человеческой душе как плод деятельности самых светлых и глубоких ее сторон.

Я тяжело болен⁶, годы жизни моей сочтены. Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановить ее не успею. Но если она дойдет когда-нибудь хотя бы до нескольких человек, чья духовная жажда заставит их прочитать ее до конца, преодолевая все ее трудности, – идеи, заложенные в ней, не смогут не стать семенами, рождающими ростки в чужих сердцах. И произойдет ли это еще до третьей мировой войны или после нее, или третья война не будет развязана в ближайшие годы вовсе – книга не умрет все равно, если хоть одни дружественные глаза пройдут, глава за главой, по ее страницам. Потому что вопросы, на которые она пытается дать ответ, будут волновать людей еще и в далеком будущем.

Эти вопросы не исчерпываются проблематикой войны и государственного устройства. Но ничто не поколеблет меня в убеждении, что самые устрашающие опасности, которые грозят человечеству и сейчас и будут грозить еще не одно столетие, это – великая самоубийственная война и абсолютная всемирная тирания. Быть может, третью мировую войну – в нашу эпоху – человечество превозможет или, по крайней мере, уцелеет в ней, как уцелело оно в первой и во второй. Быть может, оно выдержит, так или иначе, тиранию еще более обширную и беспощадную, чем та, которую выдержали мы. Может случиться также, что через сто или двести лет возникнут новые опасности для народов, не менее губительные, чем тирания и великая война, но – иные. Возможно. Вероятно. Но никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасностей грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных: с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании.

Книга направлена, прежде всего, против этих двух зол. Двух коренных, первичных зол. Она направлена против них – не как памфлет, не как разоблачающая сатира, не как проповедь. Самая жгучая сатира и самая пламенная проповедь – бесплодны, если они только бичуют зло и доказывают, что хорошее – хорошо, а дурное – дурно. Они бесплодны, если не основаны на знании основ того миропонимания, того универсального учения и той действенной программы, которые, распространяясь от ума к уму и от воли к воле, были бы способны отвратить от человечества эти две коренные опасности. Поделиться своим опытом с другими, приоткрыть картину исторических и метаисторических перспектив, ветвящуюся цепь дилемм, встающих перед нами или долженствующих возникнуть, панораму разноматериальных миров, тесно взаимосвязанных с нами в добре и зле, – вот задача моей жизни. Я стремился и стремлюсь ее выполнять в формах словесного искусства, в художественной прозе и в поэзии, но особенности этого искусства не позволяли мне раскрыть всю концепцию с надлежаще полнотой, изложить ее исчерпывающе, четко и общедоступно. Развернуть эту концепцию именно так, дать понять, каким образом в ней, трактующей об иноприродном, в то же время таится ключ и от текущих процессов истории, и от судьбы каждого из нас, – вот задача настоящей книги. Книги, которая, если Господь предохранит ее от гибели, должна вдвинуться, как один из многих кирпичей, в фундамент Розы Мира, в основу всечеловеческого Братства.

⁶ В 1954 г. Д. Андреев перенес в тюрьме тяжелый инфаркт, последствия которого и привели к смерти автора в 1959 г.

Существует инстанция, много веков претендующая на то, чтобы быть единственной неуклонной объединительницей людей, предотвращающей от них опасность войны всех против всех, опасность падения в хаос. Такая инстанция – государство. Со времен окончания родового строя на всех исторических этапах государство являлось существенной необходимостью. Даже иерократии, пытавшиеся его подменить властью религиозной, превращались в разновидности того же Государства. Государство цементировало общество на принципе насилия, а уровень нравственного развития, необходимый для того, чтобы цементировать общество на каком-либо принципе ином, не был достигнут. Конечно, он не достигнут и поднесь. Государство до сих пор остается единственным испытанным средством против социального хаоса. Но уясняется наличие в человечестве этических начал более высокого типа, способных не только поддерживать, но и совершенствовать социальную гармонию, и, что еще важнее, намечаются пути ускоренного развития этих начал.

В политической истории новейшего времени легко различаются две общечеловеческие направленности, полярные друг другу.

Одна из них стремится к переразвитию государственного начала как такового, к укреплению всеобщей зависимости личности от государства, точнее – от той инстанции, в руках которой находится государственный аппарат: партии, армии, вождя.

Государства типа фашистского или национал-социалистического – ярчайший пример феноменов этого рода.

Другой поток явлений, возникший еще в XVIII веке, если не раньше, – это поток направленности гуманистической. Его истоки и главнейшие этапы – английский парламентаризм, французская Декларация прав человека, германская социал-демократия, наконец, освободительная борьба против колониализма. Дальняя цель этого потока явлений – ослабление цементирующего насилия в жизни народов и преобразование государства из полицейского по преимуществу аппарата, отстаивающего национальное или классовое господство, в аппарат всеобщего экономического равновесия и охраны прав личности. В исторической действительности имеются еще оригинальные образования, могущие показаться как бы гибридами. По существу оставаясь феноменами первого типа, они видоизменяют собственное обличье в той мере, в какой это целесообразно для достижения поставленной цели. Это – лишь тактика, маскировка, не более.

И все же, несмотря на полярность этих потоков явлений, их объединяет одна черта, характернейшая для XX столетия: стремление ко всемирному. Внешний пафос различных движений нашего века – в их конструктивных программах народоустройств; но внутренний пафос новейшей истории – в стихийном стремлении ко всемирному.

Интернациональностью своей доктрины и планетарным размахом отличалось самое мощное движение первой половины нашего столетия. Ахиллесовой пятой движений, ему противопоставлявшихся, – расизма, национал-социализма – была их узкая националистичность, точнее – узкорасовые или национальные границы тех блаженных зон, химерою которых они прельщали и завораживали. Но к мировому владычеству стремились и они, и притом с колоссальной энергией. Теперь космополитический американизм озабочен тем, чтобы избежать ошибок своих предшественников.

На что указывает это знамение времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, сделалась всеобщей потребностью? Не на то ли, что мир стал неделим и тесен, как никогда? Не на то ли, наконец, что решение всех насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения?

Деспотические образования планомерно осуществляют при этом принцип крайнего насилия либо хитрым сочетанием методов частично вуалируют его. Темпы убыстряются. Возникают такие государственные громады, на сооружение каких раньше потребовались бы века. Каждое хищно по своей природе, каждое стремится навязать человечеству именно свою власть.

Их военная и техническая мощь становится головокружительной. Они уже столько раз ввергали мир в пучину войн и тираний, – где гарантии, что они не ввергнут его еще и еще? И наконец, сильнейший победит во всемирном масштабе, хотя бы это стоило превращения трети планеты в лунный ландшафт. Тогда цикл закончится, чтобы уступить место наибольшему из зол: единой диктатуре над уцелевшими двумя третями мира – сперва, быть может, олигархической, а затем, как это обычно случается на втором этапе диктатур, – единоличной. Это и есть угроза, самая страшная из всех нависавших над человечеством: угроза всечеловеческой тирании.

Сознательно или бессознательно предчувствуя эту опасность, движения гуманистической направленности пробуют консолидировать свои усилия. Они лепечут о культурном сотрудничестве, размахивают лозунгами пацифизма и демократических свобод, ищут призрачного спасения в нейтралитете либо же, испуганные агрессивностью противника, сами вступают на его путь. Бесспорной, всем доверие внушающей цели, то есть идеи о том, что **над деятельностью государств насущно необходим этический контроль**⁷, не выдвинуло ни одно из них. Некоторые общества, травмированные ужасами мировых войн, пытаются объединиться с тем, чтобы в дальнейшем политическое объединение охватило весь земной шар. Но к чему теперь привело бы и это? Опасность войн, правда, была бы устранена, по крайней мере временно. Но где гарантии того, что это сверхгосударство, опираясь на обширные нравственно отсталые слои – а таких на свете еще гораздо больше, чем хотелось бы, – и расшевеливая не изжитые в человечестве инстинкты властолюбия и мучительства, не перерастет опять-таки в диктатуру и, наконец, в тиранию, такую, перед которой все прежние покажутся забавой?

Знаменательно, что именно религиозные конфессии, раньше всех провозгласившие интернациональные идеалы братства, теперь оказываются в арьергарде всеобщего устремления ко всемирному. Возможно, в этом сказывается характерное для них сосредоточение внимания на внутреннем человеке, пренебрежение всем внешним, а ко внешнему относят и проблему социального устройства человечества. Но если взглядеться глубже, если сказать во всеуслышание то, что говорят обычно лишь в узких кругах людей, живущих интенсивной религиозной жизнью, то обнаружится нечто, не всеми учитываемое. Это возникший еще во времена Древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира, это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству «князя мира сего», к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву.

Да и в самом деле, где гарантии, что во главе сверхгосударства не окажется великий честолюбец и наука послужит ему верой и правдой как орудие для превращения этого сверхгосударства именно в ту чудовищную машину мучительства и духовного калечения, о которой я говорю? Можно ли сомневаться, что даже уже и теперь создаются предпосылки для изобретения совершенного контроля за поведением людей и за образом их мышления? Где границы тем кошмарным перспективам, которые возникают перед нашим воображением в результате скрещения двух факторов: **террористического единовластия** и техники XXI столетия? Тирания будет тем более абсолютной, что тогда закроется даже последний, трагический путь избавления: сокрушение тирании извне в итоге военного поражения – воевать будет не с кем, подчинены будут все. И всемирное единство, мечтавшееся стольким поколениям, потребовавшее стольких жертв, обернется своей демонической стороной: своей безвыходностью в том случае, если руководство этим единством возьмут ставленники темных сил.

На горьком опыте человечество убеждается уже и теперь, что ни те социально-экономические движения, шефство над которыми берет голый рассудок, ни достижения науки сами по себе не в состоянии провести человечество между Харибдой и Сциллой – тираниями и мировыми войнами. Хуже того, новые социально-экономические системы, приходя к господству,

⁷ Здесь и далее выделение полужирным редактора.

сами облачаются в механизмы политических деспотий, сами становятся сеятелями и разжигателями мировых войн. Наука превращается в их послушную служанку, куда более послушную и надежную, чем была церковь для феодальных владык. Трагедия коренится в том, что научная деятельность с самого начала не была сопряжена с глубоко продуманным нравственным воспитанием. К этой деятельности допускались все, независимо от уровня их нравственного развития. Неудивительно, что каждый успех науки и техники обращается теперь одной стороной против подлинных интересов человечества. Двигатель внутреннего сгорания, радио, авиация, атомная энергия – все ударяет одним концом по живой плоти народов. А развитие средств связи и технические достижения, позволяющие полицейскому режиму контролировать интимную жизнь и сокровенные мысли каждого, подводят железную базу под вампирские громады диктатур.

Таким образом, опыт истории подводит человечество к пониманию того очевидного факта, что опасности будут предотвращены и социальная гармония достигнута не развитием науки и техники самих по себе, не переразвитием государственного начала, не диктатурой «сильного человека», не приходом к власти пацифистских организаций социал-демократического типа, качаемых историческими ветрами то вправо, то влево, от бессильного прекраснодушия до революционного максимализма, – но признанием насущной необходимости одного-единственного пути: установления над Всемирной федерацией государств некоей незапятнанной, неподкупной, высокоавторитетной инстанции, инстанции *этической*, внесударственной и надгосударственной, ибо **природа государства внеэтична по своему существу**.

Какая же идея, какое учение помогут создать подобный контроль? Какие умы его вырабатывают и сделают приемлемым для громадного большинства? Какими путями придет такая инстанция к общечеловеческому признанию, на высоту, господствующую даже над Федерацией государств, – она, отвергающая насилие? Если же она примет к руководству принцип постепенной замены насилия чем-то другим, то чем же именно и в какой последовательности? И какая доктрина сможет разрешить все возникающие в связи с этим проблемы с их невероятной сложностью?

Настоящая книга стремится дать, в какой-то мере, на эти вопросы ответ, хотя общая тематика ее шире. Но, подготавливаясь к ответу, следует ясно сформулировать сперва, в чем же это учение видит своего непримиримейшего врага и против чего – или кого – оно направлено.

В историческом плане оно видит своих врагов в любых державах, партиях и доктринах, стремящихся к насильственному порабощению других и к каким бы то ни было формам и видам деспотических народоустройств. В метаисторическом же плане оно видит своего врага в одном – в Противобогe, в тиранствующем духе, Великом Мучителе, многообразно проявляющем себя в жизни нашей планеты. Для движения, о котором я говорю, и сейчас, когда оно едва пытается возникнуть, и потом, когда оно станет решающим голосом истории, врагом будет одно – стремление к тирании и к жестокому насилию, где бы оно ни возникало, хотя бы в нем самом. Насилие может быть признано годным лишь в меру крайней необходимости, только в смягченных формах и лишь до тех пор, пока наивысшая инстанция путем усовершенствованного воспитания не подготовит человечество при помощи миллионов высокоинтеллектуальных умов и воли к замене принуждения – добровольностью, окриков внешнего закона – голосом глубокой совести, а государства – братством. Другими словами, пока самая сущность государства не будет преобразована, а живое братство всех не сменит бездушного аппарата государственного насилия.

Не обязательно надо предполагать, что подобный процесс займет непременно огромный отрезок времени. Исторический опыт великих диктатур, с необыкновенной энергией и плановностью охватывавших население громадных стран единой, строго продуманной системой воспитания и образования, неопровержимо доказал, какой силы рычаг заключен в этом пути воздействия на психику поколений. Поколения формировались все ближе к тому, что пред-

ставлялось желательным для властей предрежащих. Нацистская Германия, например, ухитрилась добиться своего даже на глазах одного поколения. Ясное дело, ничего, кроме гнева и омерзения, не могут вызвать в нас ее идеалы. Не только идеалы – даже методика ее должна быть отринута нами почти полностью. Но рычаг, ею открытый, должен быть взят нами в руки и крепко сжат. Приближается век побед широкого духовного просвещения, решающих завоеваний новой, теперь еще едва намечаемой педагогики. Если бы хоть несколько десятков школ были предоставлены в ее распоряжение, в них формировалось бы поколение, способное к выполнению долга не по принуждению, а по доброй воле; не из страха, а из творческого импульса и любви. В этом и заключен смысл воспитания **человека облагороженного образа**.

Мне представляется международная организация, политическая и культурная, ставящая своей целью преобразование сущности государства путем последовательного осуществления всеохватывающих реформ. Решающая ступень к этой цели – создание Всемирной федерации государств как независимых членов, но с тем, чтобы над Федерацией была установлена особая инстанция, о которой я уже упоминал: инстанция, осуществляющая контроль над деятельностью государств и руководящая их бескровным и безболезненным преобразованием изнутри. Именно бескровным и безболезненным: в этом все дело, в этом ее отличие от революционных доктрин прошлого.

Какова будет структура этой организации, каково ее наименование – предугадывать это мне представляется преждевременным и ненужным. Назовем ее пока условно, чтобы не повторять каждый раз многословных описаний, Лигой преобразования сущности государства. Что же до ее структуры, то те, кто станет ее организаторами, будут и опытнее, и практичнее меня: это будут общественные деятели, а не поэты. Могу только сказать, что лично мне рисуется так, что Лига должна располагать своими филиалами во всех странах, причем каждый филиал обладает несколькими аспектами: культурным, филантропическим, воспитательным, политическим. Такой политический аспект каждого филиала превратится, структурно и организационно, в национальную партию Всемирной религиозной и культурной реформы. В Лиге и Лигой все эти партии будут связаны и объединены.

Как именно, где и среди кого произойдет формирование Лиги, я, конечно, не знаю и знать не могу. Но ясно, что период от ее возникновения до создания Федерации государств и этической инстанции над ними должен рассматриваться как период подготовительный, период, когда Лига будет отдавать все силы распространению своих идей, формированию своих рядов, расширению организации, воспитанию подрастающих поколений и созданию внутри себя той будущей инстанции, которой со временем может быть доверена всемирная руководящая роль.

Устав Лиги не может препятствовать пребыванию в ее рядах людей различных философских и религиозных убеждений. Требуется лишь готовность деятельно участвовать в осуществлении ее программы и решимость не нарушать ее моральных установлений, принятых как краеугольная плита.

Во всех превратностях общественной жизни и политической борьбы успехи Лиги должны достигаться не ценой отступления от ее нравственного кодекса, а именно вследствие верности ему. Ее репутация должна быть незапятнанной, бескорыстие – не подлежащим сомнению, авторитет – возрастающим: ибо в нее будут стекать и ее непрерывно укреплять лучшие силы человечества.

Вероятнее всего, что путь ко всемирному объединению ляжет через лестницу различных ступеней международной солидарности, через объединение и слияние региональных содружеств; последней ступенью такой лестницы представляется всемирный референдум или плебисцит – та или иная форма свободного волеизъявления всех. Возможно, что он приведет к победе Лиги лишь в отдельных странах. Но за нее будет сам исторический ход вещей. Объединение хотя бы половины земного шара довершит глубокий сдвиг в сознании народов. Состо-

ится второй референдум, может быть, третий, и десятилетием раньше или позже границы Федерации совпадут с границами человечества. Тогда откроется практическая возможность к осуществлению цепи широких мероприятий ради превращения конгломерата государств в монолит, постепенно преобразуемый двумя параллельными процессами: внешним – политико-социально-экономическим и внутренним – воспитательно-этико-религиозным.

Ясно из всего этого, что деятели Лиги и ее национальных партий смогут бороться только словом и собственным примером и только с теми идеологиями и доктринами, которые стремятся расчистить путь для каких бы то ни было диктатур или поддержать эти диктатуры у кормила власти. Своих исторических предшественников, хотя и действовавших в узконациональных масштабах, Лига увидит в великом Махатме Ганди⁸ и в партии, вдохновлявшейся им. Первый в новой истории государственный деятель-праведник, он утвердил чисто политическое движение на основе высокой этики и опроверг ходячее мнение, будто политика и мораль несовместимы. Но национальные рамки, в которых действовал Индийский национальный конгресс, Лига раздвинет до планетарных границ, а цели ее – следующая историческая ступень или ряд ступеней по сравнению с теми, какие ставила себе великая партия, освободившая Индию.

О, конечно, найдется немало людей, которые станут утверждать, будто методика Лиги – непрактична и нереальна. Ах уж мне эти поборники политического реализма! Нет безнравственности, нет социальной гнусности, которая не прикрывалась бы этим жалким фиговым листком. Нет груза более мертвенного, более приземляющего, чем толки о политическом реализме как противовесе всему крылатому, всему вдохновенному, всему духовному. Политические реалисты – это, между прочим, и те, кто в свое время уверял, даже в самой Индии, что Ганди – фантаст и мечтатель. Им пришлось стиснуть зубы и прикусить язык, когда Ганди и его партия именно на пути высокой этики добились освобождения страны и повели ее дальше, к процветанию. Не ко внешнему процветанию, которое порошит людям глаза черной пылью цифр о росте добычи угля или радиоактивным пеплом от экспериментальных взрывов водородных бомб, а к процветанию культурному, этическому и эстетическому – процветанию духовному, неспешно, но прочно влекущему за собой и процветание материальное.

Обвинять Лигу в нереальности методов будут также те, кто не способен видеть лучшее в человеке; чья психика огрубела, а совесть захирела в атмосфере грубого государственного произвола. К ним присоединятся и те, кто не предвидит, какие сдвиги массового сознания ждут нас в недалекие уже годы. Травмированность войнами, репрессиями и всевозможными насилиями даже теперь вызывает широкое движение за сосуществование и за мир. Постоянно совершаются и будут совершаться события, разрушающие чувство безопасности, не оставляющие ничего от уюта и покоя, подрывающие корни доверия к существующим идеологиям и к охраняемому ими порядку вещей. Разоблачение неслыханных ужасов, творившихся за помпезными фасадами диктатур, наглядное уяснение, на чем воздвигались и чем оплачивались их временные победы, их внешние успехи, – все это иссушает душу, как раскаленный ветер, и духовная жажда делается нестерпима. Об отстранении угрозы великих войн; о путях к объединению мира без кровопролитий; о светоносце-праведнике, грядущем возглавить объединенное человечество; об ослаблении насилия государств и о возрастании духа братства – вот о чем молятся верующие и мечтают неверующие в наш век. И вероятно, в высшей степени, что мирообъемлющее крылатое учение – и нравственное, и политическое, и философское, и религиозное – претворит эту жажду поколения во всенародный творческий энтузиазм.

⁸ Мохандас Карамчанд «Махатма» Ганди (1869–1948) – идеолог и лидер индийского национально-освободительного движения. Возглавлял партию Индийский национальный конгресс, руководил борьбой за независимость, руководствуясь созданным им религиозно-философским учением, в основе которого лежал тезис о необходимости достижения независимости мирными, ненасильственными средствами. Убит членом индуистской шовинистической организации.

То обстоятельство, что последнее крупное религиозное движение в человечестве – протестантская Реформация⁹ – имело место четыреста лет назад, а последняя религия мирового значения, ислам, насчитывает уже тринадцать веков существования, – выдвигается иногда как аргумент в пользу мнения, что религиозная эра в человечестве завершилась. Но о потенциальных возможностях религии как таковой, а не отдельных форм ее судить следует не по тому, как давно возникли последние крупные ее формы, а по тому, зашла ли эволюция религии в тупик, имеется ли возможность сочетать религиозную творческую мысль с бесспорными тезисами науки, а также еще и по тому, брезжут ли перед таким мировоззрением перспективы осмысления жизненного материала новых эпох и возможно ли действенное и прогрессивное влияние религии на этот материал.

Действительно, с последнего крупного религиозного движения международного размаха прошло около четырехсот лет. Но ведь и *перед* протестантской Реформацией подобных движений не было много столетий. Да и в этом ли дело? Разве еще не ясно, что определенное русло идейной, творческой работы человечества в последние века вбирало в себя почти все его духовные и умственные силы? Трудно было бы ожидать, чтобы, осуществляя такой стремительный прогресс – научный, технический и социальный, создавая такие культурные ценности, как литература, музыка, философия, искусство и наука последних веков, человечество нашло бы в себе силы одновременно творить еще и универсальные религиозные системы.

Но рубеж XX века как раз и явился той эпохой, когда закончился расцвет великих литератур и искусств, великой музыки и философии. Область социально-политического действия вовлекает в себя – и чем дальше, тем определенной, – не наиболее духовных представителей человеческого рода, а как раз наименее духовных. **Образовался гигантский вакуум духовности**, не существовавший еще пятьдесят лет назад, и гипертрофированная наука бессильна его заполнить. Если позволительно подобрать такое выражение, колоссальные ресурсы человеческой гениальности не расходуются никуда. Это и есть то лоно творческих сил, в котором зреет предопределенная к рождению всечеловеческая интеррелигия.

Сможет ли религия – не старинные ее формы, а та религия итога, которой ныне чреват мир, предотвратить наиболее грозные из нависших над человечеством опасностей: всемирные войны и всемирную тиранию? – Предотвратить ближайшую мировую войну она, вероятно, не в состоянии: если третья война вспыхнет, то произойдет это бедствие, вероятно, раньше, чем даже успеет возникнуть Лига. Но в предотвращении всех войн, опасность которых будет возникать после того, как сформируется ядро грядущей интеррелигии, так же как и в предотвращении всемирной тирании, – ее ближайшая цель. Может ли эта религия достичь наибольшей гармонии между свободой личности и интересами человечества, какая только мыслима на данном этапе истории? – Но это лишь другой аспект той же самой ее ближайшей цели. Будет ли она способствовать всестороннему развитию заложенных в человеке творческих способностей? – Да, кроме способностей демонических, то есть способностей к тиранствованию, мучительству и к самоутверждению за счет остальных живых существ. Требуется ли она для своего торжества кровавых жертв, как другие движения всемирной направленности? – Нет, исключая те случаи, когда ее проповедникам придется, может быть, собственной кровью засвидетельствовать свою верность идее. Противоречат ли ее тезисы – не философской доктрине материализма (ей-то они, конечно, противоречат во всех пунктах от А до Я), а объективным и общеобязательным тезисам современной науки? – Ни в одной букве или цифре. Можно ли предвидеть установление в эпоху ее гегемонии такого режима, когда инакомыслие будет преследоваться, когда она будет навязывать свои догматы философии, науке, искусству? – Как раз наоборот: от частич-

⁹ Реформация – общественное движение, направленное против официальной католической церкви, охватившее в XVI в. Западную и Центральную Европу. Начало положили выступления Мартина Лютера, суть которых сводилась к отрицанию католической церковной иерархии и требованиям «поверить Церковь Священным Писанием». Реформация дала начало протестантству.

ных ограничений свободы мысли – вначале, к неограниченной свободе мысли – потом: таков предлагаемый ею путь. – Что же остается от аргумента, что религия не способна ответить на насущные вопросы времени, а тем более практически разрешить их?

С полным правом и основанием такой упрек может быть брошен не религии, а, увы, науке. Как раз именно система взглядов, которая не выглядывает ни вправо, ни влево за пределы того, что очерчивается современным научным знанием, не способна дать ответа на самые коренные, самые элементарные вопросы. – Существует ли Первопричина, Творец, Бог? Неизвестно. – Существует ли душа или что-либо подобное ей и бессмертна ли она? Этого наука не знает. – Что такое время, пространство, материя, энергия? Об этом мнения резко расходятся. – Вечен ли и бесконечен мир или, напротив, ограничен во времени и в пространстве? Материала для твердого ответа на эти вопросы у науки не имеется. – Ради чего я должен делать добро, а не зло, если зло мне нравится, а от наказания я могу уберечься? Ответы невразумительны совершенно. – Как воспользоваться наукой, чтобы предотвратить возможность войн и тираний? Молчание. – Как достичь, с наименьшим числом жертв, социальной гармонии? Выдвигаются взаимоисключающие предложения, сходные только в одном: в том, что все они в равной мере не имеют отношения к строгой науке. Естественно, что на таких шатких, субъективных, действительно псевдонаучных основаниях возникали лишь учения классового, расового, национального и партийного эгоизма, то есть как раз те, чье призвание заключается в оправдании диктатур и войн. Низкий уровень духовности – отличительная черта подобных учений. Следовательно, искомая этическая инстанция может быть построена на основе не так называемого научного мировоззрения – такого, в сущности, и не существует, – а на приобщении к духовному миру, на восприятии лучей, льющихся оттуда в сердце, разум и совесть, и на осуществлении во всех сферах жизни завета деятельной и творческой любви. Нравственный уровень, вполне отвечающий перечисленным признакам, называется *праведностью*.

Распространен еще и другой предрассудок: взгляд на религию как на явление, реакционное по своему существу, а тем более в нашу эпоху. Но говорить о реакционности или устарелости религии вообще, безотносительно к ее конкретным формам, так же бессмысленно, как доказывать реакционность искусства вообще или философии вообще. Тот, кто мыслит динамически, кто видит эволюционирующие ряды фактов и процессы, которыми формируются эти ряды, тот сумеет и в искусстве, и в религии, и в любой области человеческой деятельности разглядеть наличие реакционных и прогрессивных форм. Реакционных форм религии можно встретить сколько угодно, и даже больше, чем нам хотелось бы, но это не имеет никакого касательства к той рождающейся религии итога, которой эта книга посвящена. Ибо в нашем столетии не было и нет ни более прогрессивных целей, ни более прогрессивных методов, чем те, которые слиты воедино с этой религией. Что же до претензий научного метода на некое верховенство, то научный метод столь же бессилён вытеснить из жизни методы художественный и религиозный в широком смысле слова, как и его самого не могла в свое время вытеснить агрессивная религиозность. Потому что методы эти различествуют между собой не только в том **как**, но и в том, **что** ими познается. В прошлом столетии, под впечатлением стремительного прогресса в науке и технике, пророчили гибель искусства. Прошло сто лет, и соцветие искусств не только не погибло, но обогатилось еще одним – искусством кино. Сорок или тридцать лет назад многим в России казалась неизбежной гибель религии вследствие прогресса научного и социального. И однако же, соцветие религий не только не погибло, несмотря на все средства, ради этого мобилизованные, но именно под влиянием научного и социального прогресса обогащается тем, что сделает мировую религиозность вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком – Розою Мира.

Из всего вышесказанного вытекает, что религиозное движение, которое включит в свое мирозерцание и практику положительный опыт человечества, а из отрицательного сделает выводы, требующие слишком много мужества и прямоты, чтобы быть сделанными на путях

других течений общественной мысли; движение, которое ставит своими ближайшими целями преобразование государства в братство, объединение земли и воспитание человека облагороженного образа; движение, которое предохранит себя от искажения идеала и методики нерушимой броней высокой нравственности, – такое движение не может не быть признано прогрессивным, перспективным и творчески молодым.

Броней нравственности! Но на каких основах может создаваться такая нравственность? Я говорил о праведности. Но разве не утопия праведность целых общественных кругов, а не единиц?

Следует уточнить, что понимается здесь под праведностью. Праведность не есть непременно плод монашеской аскезы. Праведность есть высшая ступень нравственного развития человека; тот, кто ее превысил, уже не праведник, а святой. Формы же праведности разнообразны; они зависят от времени, места и человеческого характера. Можно сказать обобщенно: праведность – в негативном аспекте – есть такое состояние человека, устойчивое и оканчивающееся только с его смертью, при котором его воля освобождена от импульсов себялюбия, разум – от захваченности материальными интересами, а сердце – от кипения случайных, мутных, принижающих душу эмоций. В позитивном же аспекте праведность есть проникание деятельной любовью к Богу, людям и миру всей внешней и внутренней деятельности человека.

Вряд ли психологический климат для возникновения нравственной инстанции, основанной именно на праведности, может быть где-либо подготовлен лучше, чем в обществе, объединившемся в чаянии ее возникновения и в этом видящем свой смысл и цель. Но как раз таким обществом должна быть Лига. В числе ее членов могут оказаться даже атеисты. Но основной тезис Лиги – необходимость превыше государств всемирной этической инстанции; именно он сплотит наиболее одушевленных, творческих, деятельных и одаренных членов ее в ядро. Ядро, для которого характерна атмосфера неустанного духовного созидания, деятельной любви и чистоты. Ядро, состоящее из людей, достаточно просвещенных, чтобы понимать не только опасность, грозящую каждому из них вследствие разнуздания импульсов самости, но и опасность того слишком внешнего понимания религиозно-нравственных ценностей, которое приводит к этическому формализму, лицемерию, душевной черствости и ханжеству.

Никто, кроме Господа Бога, не знает, где и когда затеплится первый огонь Розы Мира. Страна – Россия – только предуказана; еще возможны трагические события, которые осложнят совершение этого мистического акта и принудят перенести его в другую страну. Эпоха – шестидесятые годы нашего века – только намечена; возможны гибельные катаклизмы, которые отодвинут эту дату на длительный ряд лет. Возможно, что средой, где затеплится первый пламень, окажется не Лига преобразования сущности государства, а иной, сейчас еще не предугаданный круг людей. Но там ли, здесь ли, в этой стране или в другой, раньше на десятилетие или позже, интеррелигиозная, всечеловеческая церковь новых времен, Роза Мира, явится как итог духовной деятельности множества, как соборное творчество людей, ставших под низливающийся поток откровения, – явится, возникнет, вступит на исторический путь.

Религия, интеррелигия, церковь – нужной точности я не могу достигнуть при помощи ни одного из этих слов. Ряд коренных ее отличий от старых религий и церквей со временем принудит выработать в применении к ней слова иные. Но и без того предстоит вводить в кругооборот эту книгу столь обширный запас новых слов, что здесь, в самом начале, предпочтительнее прибегнуть не к этим словам, а к описательному определению отличительных черт того, что должно именоваться Розою Мира.

Это не есть замкнутая религиозная конфессия, истинная или ложная. Это не есть и международное религиозное общество вроде теософического, антропософского или масонского, составленного, наподобие букета, из отдельных цветов религиозных истин, эклектически сорванных на всевозможных религиозных лугах. Это есть интеррелигия или панрелигия в том смысле, что ее следует понимать как универсальное учение, указующее такой угол зрения

на религии, возникшие ранее, при котором все они оказываются отражениями различных пластов духовной реальности, различных рядов нематериальных фактов, различных сегментов планетарного космоса¹⁰. Этот угол зрения обнимает Шаданакар как целое и как часть божественного космоса Вселенной. Если старые религии – лепестки, то Роза Мира – цветок: с корнем, стеблем, чашей и всем содружеством его лепестков.

Второе отличие: универсальность устремлений Розы Мира и их историческая конкретность. Задачу **преобразования социального тела человечества** не ставила перед собой ни одна религия, исключая средневековый католицизм. Но и папство, упорно старавшееся замкнуть феодальный хаос дамбами иерократии, не сумело ни ослабить эксплуатацию неимущих имущими, ни уменьшить широкими реформами социальное неравенство, ни повысить общее благосостояние. Впрочем, обвинять в этом ведущую католическую иерархию было бы несправедливостью: для подобных преобразований еще не было материальных средств, ни экономических, ни технических. Не случайно зло мира ощущалось испокон веков и вплоть до нового времени неустрашимым и вечным и католицизм, по существу, обращался, как и остальные религии, лишь к «внутреннему человеку», учил личному совершенствованию. Но времена изменились, материальные средства появились, и заслуга всего исторического процесса, а не самой Розы Мира в том, что она сможет теперь смотреть на социальные преобразования не как на внешнее, обреченное на неудачу и не заслуживающее усилий, но ставить их в неразрывную связь с совершенствованием внутреннего мира человека: теперь это два параллельных процесса, которые должны друг друга восполнять. Нередко слышишь: «Христианство не удалось». Да, если бы оно все было в прошлом, можно было бы говорить, что в социальном и всемирно-нравственном отношении оно не удалось. «Религия не удалась». Да, если бы религиозное творчество человечества исчерпалось тем, что уже создано, религия в только что упомянутом смысле действительно не удалась бы. А пока справедливо говорить об этом только так: добиться существенного уменьшения социального зла старые религии не смогли, так как не располагали необходимыми для этого материальными средствами и отсутствие этих средств вызвало их отрицательное отношение ко всем подобным попыткам. Этим был подготовлен безрелигиозный этап цивилизации. В XVIII веке пробудилась социальная совесть. Социальная дисгармония была наконец почувствована и осознана как нечто недопустимое, оскорбляющее, требующее преодоления. Конечно, это находилось в связи с тем, что начали появляться недостававшие для этого материальные средства. Но старые религии не сумели этого понять, не захотели этими средствами воспользоваться, не пожелали возглавить процесс социального преобразования, и именно в этой косности, в этой умственной лени, в этой идейной неподвижности и узости – их тягчайшая вина. Религия дискредитировала себя своей вековой беспомощностью в этом отношении, и не приходится удивляться противоположной крайности, в которую впала Европа, а затем и другие континенты: преобразованию общества чисто механическими средствами при полном отказе от духовной стороны того же процесса. Нечего, конечно, удивляться и итогу: потрясениям, каких не видал мир, масштабам жертв, какие никогда не рисовались даже в бреду, и такому снижению этического уровня, самая возможность которого в XX веке представляется до сих пор многим мрачной и трагической загадкой. На старые религии падает в значительной степени ответственность за глубину и упорство последующего безрелигиозного этапа, за духовную судьбу миллионов душ, которые, ради борьбы за справедливое мироустройство, противопоставили себя религии вообще и этим вырвали корни своего

¹⁰ Под планетарным космосом понимается совокупность слоев различной материальности, различного числа пространственных и временных координат, но непременно связанных со сферой Земли как планеты. Планетарный космос – это земной шар во всей сложности материальных (а не физических только) слоев его бытия. Подобные могучие системы имеются у множества небесных тел. Они называются *брамфатурами*. Брамфатура Земли носит имя Шаданакар. Об этих словах, как и о многих других, употребляемых здесь впервые или же измененных новым смыслом, в них влагаемым, следует смотреть небольшой словарь, приложенный в конце. – *Прим. авт.*

бытия из лона мировой духовности. Но истинная религиозная деятельность есть своего рода общественное служение, а истинное общественное служение есть в то же время религиозная деятельность. Никакое религиозное делание, даже подвиг инока, не может быть изолировано от общего, от труда на пользу всемирного просветления; и никакая общественная деятельность, кроме демонической, не может не влиять на **увеличение суммы мирового добра**, то есть не иметь религиозного смысла. Биение социальной совести, действенное социальное сострадание и сорадование, неустанные практические усилия ради преобразования общественного тела человечества – вот второе отличие Розы Мира от старинных религий.

Третье отличие: динамичность ее воззрений. Религии, не чуждые представлениям о метаистории, уже были: иудаизм, раннее христианство, но лишь в далекие от нас и притом короткие периоды своего становления они пытались духовно осмыслить текущий исторический процесс. В те короткие, полузабытые эпохи поразительные прозрения Апокалипсиса¹¹ оставались прикрытыми от глаз людей покровом иносказаний и недомолвок; шифр образов допускал всевозможные толкования. Подлинного осмысления исторического процесса так и не состоялось. Исторический опыт был еще мал и узок, географический кругозор ничтожен, мистический разум не был подготовлен к постижению внутренних закономерностей метаистории и неимоверной сложности Шаданакара. Но явлению Розы Мира предшествовала эра гегемонии науки, в самых корнях потрясшая представление о Вселенной, о народах, культурах и их судьбе. Предшествовало ей и другое: эпоха коренных сдвигов и сбросов социальных, эпоха революций и планетарных войн. Оба ряда явлений взрыхлили психологические пласты, столько веков пребывавшие в неподвижности. В почву, взрытую железными зубьями исторических катастроф, падают семена метаисторического откровения. И приоткрывается духовному взору весь планетарный космос как непрерывно меняющаяся система разнозначных миров, бурно несущаяся к ослепительной цели, одухотворяющаяся и преображающаяся от века к веку, ото дня ко дню. Начинают сквозить ряды предстоящих эпох, каждая – во всем своем неповторимом своеобразии, в переплетении борющихся в ней метаисторических начал. Стремление Розы Мира – в том, чтобы стать восприимчивой, умножательницей и толковательницей этого познания. Соборный мистический разум живущего человечества, она будет осмыслять исторический процесс в его прошлом, настоящем и будущем, чтобы вступить в творческое руководство им. Если и можно будет говорить о каких-либо догматах в ее учении, то это догматика глубоко динамичная, многоаспектная, способная к дальнейшему обогащению и развитию, к длительному совершенствованию.

Отсюда вытекает и еще одно, четвертое, отличие Розы Мира: перспектива последовательных, стоящих перед нею духовно-исторических задач, вполне конкретных и принципиально осуществимых. Перечислю еще раз ближайшие из них:

- объединение земного шара в Федерацию государств с этической контролирующей инстанцией над нею;
- распространение материального достатка и высокого культурного уровня на население всех стран;
- воспитание поколений облагороженного образа;
- воссоединение христианских церквей и свободная уния со всеми религиями светлой направленности;
- превращение планеты – в сад, а государств – в братство.

Но это – задачи лишь первой очереди. Их осуществление откроет путь к разрешению задач еще более высоких: к одухотворению природы.

¹¹ Апокалипсис – Откровение святого Иоанна Богослова – последняя из числа новозаветных книг, содержащая пророчества о временах и событиях, предшествующих Судному дню. Далее ссылки на Откровение св. Иоанна Богослова обозначаются так: Откр. (номер главы): (номер стиха).

Итак, интеррелигиозность, универсальность социальных стремлений и их конкретность, динамичность воззрений и последовательность всемирно-исторических задач – вот черты, отличающие Розу Мира от всех религий и церквей прошлого. Бескровность ее дорог, безболезненность ее реформ, доброта и ласка в отношении к людям, волны душевного тепла, расширяемые вокруг, – вот черты, отличающие ее от всех политико-социальных движений прошлого и настоящего.

Ясно, что сущность государства, равно как и этический облик общества, не может быть преобразована в мгновение ока. Сразу же полный отказ от принуждения – утопия. Но этот элемент будет убывать во времени и в общественном пространстве. Всякая дисциплина складывается из элементов принуждения и сознательности, и от соотношения между собою этих двух элементов зависит тот или иной род дисциплины. Наибольшим процентом принуждения и почти полным отсутствием сознательности обладает дисциплина рабовладельческих хозяйств, тюрем и концентрационных лагерей. Немного больше процент сознательности в воинской муштре. И дальше, по мере ослабления в дисциплинарных системах элемента принуждения, возрастает и заменяет его собой категорический императив внутренней самодисциплины. На воспитании именно этого импульса построится вся новая педагогика. О ее принципах и методах, как и о методах перевоспитания и возрождения преступников, речь пойдет еще не скоро – в одной из последних глав. Но ясно, думается, уже и теперь, что стимул внешнего принуждения быстрее всего будет отмирать во внутренних концентрических кругах Розы Мира: ибо именно людьми, целиком спаявшими свою жизнь с ее задачами и с ее этикой и уже не нуждающимися во внешнем принуждении, наполнятся эти внутренние круги. Именно такие люди будут являться ее совестью, и кем же, как не ими, должны быть заняты кресла Верховного Собора?

Да и можно ли переоценить воспитательное значение таких общественных устройств, когда на вершине общества руководят и творят достойнейшие: не те, чье волевое начало гипертрофировано за счет других способностей души и чья сила заключается в неразборчивом отношении к средствам, но те, в ком гармонически развитая воля, разум, любвеобилие, чистота помыслов и глубокий жизненный опыт сочетаются с очевидными духовными дарами: те, кого мы называем *праведниками*. Совсем недавно мы видели тому пример: мы видели роковую годину Индии и великого духом Ганди. Мы видели потрясающее зрелище: человек, не обладавший никакой государственной властью, в подчинении которого не было ни одного солдата, даже ни одного личного слуги, не имевший крова над головой и ходивший в набедренной повязке, стал совестью, стал духовным и политическим вождем трехсот миллионов человек, и одного его тихого слова было достаточно, чтобы эти миллионы объединялись в общей бескровной борьбе за освобождение своей страны, а пролитие крови врага влекло за собой всеиндийский пост и траур. Нетрудно представить себе, как трагически исказился бы исторический путь индийского народа, если бы вместо этого подвижника в решающую минуту выдвинулся в качестве вождя человек односторонне-волевого типа, вроде Муссолини или Сталина, – так называемая «сильная личность», мастер демагогии и политической интриги, маскирующий свою сущность деспота тирадами о народном благе! Как блестяще играл бы он на низших инстинктах народа, на естественной ненависти к завоевателям, на зависти к богатым; какие волны огня и крови заходили бы по Индии, затопляя острова высокого этического сознания, тысячи лет укреплявшиеся и лелеемые лучшими сынами великого народа! И какая тирания воздвиглась бы в итоге над истерзанною страной, пользуясь склонностью к повиновению, созданною веками рабства!.. Ганди направил освободительный и созидательный энтузиазм нации по другому пути. Вот первый в новейшей истории пример той силы, которая постепенно заменит меч и кнут государственной власти. Эта сила – живое доверие народа к тому, кто доказал свою нравственную высоту; это – авторитет праведности.

Предвижу множество возражений. Одно из них таково: да, это было возможно в Индии, с ее неповторимыми особенностями, с четырехтысячелетним религиозным прошлым, с этиче-

ским уровнем ее народа. У других народов другое наследие, и опыт Индии ни на какую другую страну перенесен быть не может.

Верно, у каждого народа свое наследие. И наследие Индии привело к тому, что ее народ стал пионером на этой дороге. Но почти каждый народ видел у себя или рядом с собой диктатуры и тирании всевозможных окрасок, разнообразной идеологической маскировки, и каждый мог убедиться, в пучину каких катастроф увлекает страну слепая власть, не просветленная праведностью, не отвечающая даже требованиям среднего нравственного уровня. А ведь государственное водительство – это подвиг, и средний нравственный уровень для этого мал. Многие народы убедились и в этом, потому что там, где вместо диктаторов чередуются политические партии, там сменяются, точно в калейдоскопе, дипломаты и генералы, боссы и адвокаты, демагоги и дельцы, одни – своекорыстнее, другие – идейнее, но ни один не способен вдохнуть в жизнь новый, чистый и горячий дух, разрешить насущные всенародные проблемы. Ни одному из них никто не может доверять больше, чем самому себе, потому что ни один из них даже не задумывался о том, что такое праведность и духовность. Это – снующие тени, опавшие листья, подхваченные ветром истории. Если Роза Мира не выйдет вовремя на всечеловеческую арену, они будут развеяны огненным дыханием волевых и безжалостных диктатур; если же Роза Мира появится – они растворятся, растают под восходящим солнцем великой идеи, потому что **сердце народа доверяет одному праведнику больше, чем сотне современных политиков.**

Но еще могущественнее и светлее будет воздействие на народ и его судьбу, если три наивысших одаренности – праведность, дар религиозного вестничества и художественная гениальность совместятся в одном человеке.

Много, о, много проявлений религии относится целиком к ее минувшим стадиям. Одно из таких проявлений, по-видимому, – и власть над умами строго очерченных, аподиктически¹² выраженных, не подлежащих развитию, статуйных догм. Опыт последних веков и рост личности привели к тому, что сознание человека ощущает условность и тесноту любой догматики. Следовательно, сколь адогматичными ни были бы тезисы Розы Мира, сколь бы ни были они проникнуты духом религиозной динамики, но весьма многие затруднятся принять даже их. Зато множества и множества откликнутся на ее зов, коль скоро он будет обращен не столько к интеллекту, сколько к сердцу, звуча в гениальных творениях слова, музыки, театра, архитектуры. Образы искусства ёмче и многоаспектнее, чем афоризмы теософов или философские рассуждения. Они оставляют больше свободы воображению, они предоставляют каждому толковать учение так, как это органичнее и понятнее именно для его индивидуальности. Откровение льется по многим руслам, и искусство если и не самое чистое, то самое широкое из них. Поэтому все виды искусства и прекрасный культ оденут Розу Мира звучащими и сияющими покровами. И поэтому же во главе Розы Мира естественнее всего стоять тому, кто совместил в себе три величайших дара: дар религиозного вестничества, дар праведности и дар художественной гениальности.

Может быть, такой человек не придет или придет не скоро. Возможно, что Розу Мира будет возглавлять не он, а коллектив достойнейших. Но если бы Провидение направило такую великую душу в наш век – а Оно ее уже направило – и демонические силы не сумели бы устранить ее – это было бы для всей земли величайшим счастьем. Потому что более могучего и светлого воздействия на человечество, чем воздействие гениального художника слова, ставшего духовидцем и праведником и возведенного на высоту всемирного руководства общественными и культурными преобразованиями, не может оказать никто. Именно такому человеку, и только

¹² Аподиктический (от греч. ἀποδείξιός – доказательный, убедительный) – философский термин, обозначающий высшую степень логической достоверности знания и характеризующий непреложную необходимость содержания тех или иных суждений и высказываний.

такому может быть вверен необычайный и небывалый в истории труд: этический контроль над всеми государствами Федерации и водительство народами на пути преобразования этих государств во всечеловеческое братство.

О, мы, русские, жестоко поплатились за безусловное доверие, оказанное сильному человеку, принятому многими из нас за благодетеля человечества. Не повторим этой ошибки! Есть безусловные признаки, отличающие человека, достойного подобной миссии, от злого гения народа. Последний сумрачен; первый – весел духовным веселием. Один укрепляет свою власть казнями и карами; другой не станет домогаться власти ни в один из дней своей жизни, а когда примет ее – не прольет ничьей крови. Один насаждает по всей земле, ему подвластной, культ своей личности; другому отвратительно и смешно его прославление. Один – недоступен, другой – открыт всем. Один обуреваем неистовой жадой жизни и власти и прячется от воображаемых опасностей за непроницаемыми стенами; другой – свободен от жизненных искушений, а перед лицом опасности спокоен, потому что совесть его чиста, а вера непоколебима. Это – два антипода, посланцы двух непримиримых начал.

Конечно, в Верховном Соборе такой избранник был бы лишь первым среди равных. Он опирался бы во всем на сотрудничество множества, и этим множеством была бы контролируема его собственная деятельность. На свой необычайный пост он мог бы прийти только сквозь строгий искуc. Такому сану не может соответствовать ни молодость, ни даже зрелый возраст; лишь старость. Искушения и борьба страстей должны быть давно изжиты. Что до самого избрания, то оно, мне кажется, могло бы быть осуществлено лишь через тот или иной вид плебисцита. Да и в годы правления верховного наставника Собор следил бы за его действиями. Уклонение его от пути влекло бы передачу власти достойнейшему. Вообще все связанные с этим вопросы могли бы быть тщательно продуманы, опасности предусмотрены, решения внимательно взвешены и впоследствии усовершенствованы. Но пока верховный наставник будет следовать неукоснительно по предназначенной стезе, он – мистическая связь между живущим человечеством и миром горним, проявитель Провиденциальной воли, совершенствователь миллиардов и защитник душ. В руках такого человека не страшно соединить полноту духовной и гражданской власти.

Скажут: подобные люди появляются по одному в пятьсот лет. А я скажу больше: личности такого масштаба и обладающей при этом суммой именно таких свойств раньше не могло быть никогда. Эйнштейн не мог бы появиться среди маори XIX века; Достоевского – такого, каким мы его знаем, напрасно было бы надеяться найти среди подданных Тутанхамона или Теодориха¹³. Тогда он обладал бы другой суммой свойств, а многие из них не имел бы возможности проявить в жизни. Такой человек, о каком я говорю, даже в недалекую от нас эпоху не мог бы осуществить врученные ему дары, и современники остались бы в полном неведении относительно его истинных масштабов и потенций. Нужные условия, по-видимому, уже намечаются наступающей ныне эпохой; Роза же Мира досоздаст их так, чтобы атмосфера общественная и культурная обеспечила верховному наставнику цепь преемников, достойных этого венца.

Могут сказать также: даже всех перечисленных дарований мало для такой необычайной деятельности; надо обладать широким, трезвым и практичным государственным умом. Да, еще бы. Такому деятелю придется соприкасаться с тысячами разнообразных проблем; потребуются и знания, и опыт, и эрудиция – экономическая, финансовая, юридическая, даже техническая. Но век Аристотелей давно миновал; умы энциклопедического охвата немыслимы в наше время. И деятельность того, о ком я говорю, столь же немыслима в отрыве от соборного разума, от Верховного Собора. В ней будут участвовать самые глубокие умы, люди, умудренные в пре-

¹³ Тутанхамон – египетский фараон (ок. 1400–1392 до н. э.) из XVIII династии. При нем отменены религиозные реформы Аменхотепа IV – Эхнатона. Теодорих (ок. 454–526) – король остготов. Под его водительством остготы завоевали Италию и основали в 493 г. свое королевство.

вратностях государственной жизни, специалисты всех отраслей знания. Не энциклопедическая эрудиция и не приземистый хозяйственный смысл потребуются от верховного наставника, но мудрость. Мудрость, которая понимает людей с первого взгляда, которая в самых сложных вопросах сразу находит их существо и которая ни на миг не делается глуха к голосу совести. Верховный наставник должен стоять на такой моральной высоте, чтобы любовь и доверие к нему заменяли бы другие методы властвования. Принуждение, насилие над чужой волей мучительны для него; он пользуется ими лишь в редчайших случаях.

И все же это лишь один из вариантов возможного, хотя, на мой личный взгляд, наиболее желательный. Вполне представимо и другое: такое руководство Розой Мира, такое соотношение его с законодательными учреждениями и с правительством Федерации, при котором принцип коллективности не будет ограничен ни в чем и никем. Время разрабатывать конституцию будущего – в далеком будущем, и не нам, а счастливым потомкам придется выбирать из многих вариантов один.

Но уж не теократия ли это? – Я не люблю слово «теократия». Теократия есть боговластие; применять его к каким бы то ни было общественным и государственным устройствам абсурдно – с точки зрения атеиста, кощунственно – с точки зрения верующего. Никакой теократии история не знает и знать не может. Не теократией, а иерократией, властью духовенства, следует называть церковное государство пап или далай-лам. А тот строй, о котором я говорю, прямо противоположен всякой иерократии: не церковь растворяется в государстве, поглотившем ее и от ее имени господствующем, но и весь конгломерат государств, и сонм церквей постепенно растворяются во всечеловеческом братстве, в интеррелигиозной церкви. И не высшие иерархи церкви занимают кресла в высших органах, законодательных, исполнительных и контролирующих, но лучшие представители всех народов, всех конфессий, всех общественных слоев, всех специальностей.

Не иерократия, не монархия, не олигархия, не республика: нечто новое, качественно отличное от всего, до сих пор бывшего. Это – **всемирное народоустройство, стремящееся к освящению и просветлению всей жизни мира**. Я не знаю, как его назовут тогда, но дело не в названии, а в сути. Суть же его – труд во имя одухотворения человека, одухотворения человечества, одухотворения природы.

Глава 2

Отношение к культуре

Мало-помалу новое отношение возникает ко всему: существование Розы Мира не имело бы и тени смысла, если бы она лишь повторяла то, что было сказано раньше. Новое отношение к себе, новое осмысление вызывается буквально всеми явлениями, от великих до малых: процессом космическим и процессом историческим, мировыми законами и связью между разноматериальными мирами, человеческими отношениями и путями развития личности, государствами и религиями, животным царством и стихиями – словом, всем тем, что мы объединяем в понятии «культура», и всем, что объединяем в понятии «природа». Новое отношение возникает ко всему, но это не значит, что всякое старое отношение обесценивается или опорочивается: во многих случаях лишь указывается такой угол зрения, под которым различные отношения прошлого могут перестать контрастировать друг другу, начинают друг друга дополнять и должны читаться как различные ряды аспектов одной и той же или многих реальностей. Это нередко применяется, например, при рассмотрении старых религий и реальностей, за ними стоящих.

В сущности, этому новому отношению к вещам посвящена вся книга: подобная проблематика чересчур обширна и сложна, чтобы быть хотя бы бегло очерченной в одной главе. Данная глава «Отношение к культуре», следующая – «Отношение к религиям», но не следует ждать от них развернутого изложения этих тем. Новым осмыслением различных культурных областей, различных исторических явлений, различных религиозных систем, а также различных царств природы насыщены все двенадцать книг этого труда. Первые же главы равноценны лишь некоему введению. Они содержат конспективное изложение некоторых основных принципов, и только.

Ведущей областью культуры в наш век является наука. Научный метод познания претендует на гегемонию; поэтому настоящая глава начинается с характеристики отношения Розы Мира именно к научному методу. Приходится сказать сразу и без обиняков: сколько иллюзий ни создавали бы на этот счет энтузиасты научного метода, но ни единственным методом познания, ни единственным методом овладения материей он никогда не был, не будет и не может быть. Не говоря уже о методе художественном, с которым научный метод высокомерно и неохотно делит теперь свое первенствующее положение, следует напомнить, что давно уже заложены основы такой методики познания и овладения материальностью, усвоение которой неразрывно связано с духовным самосовершенствованием человека, с просветлением его этического облика. Впереди брезжит даже возможность таких исторических стадий, когда эта методика придет к некоторому первенствованию. Я подразумеваю не столько дискредитированные вследствие ряда недоразумений понятия магии или оккультизма, сколько понятие духовного делания. Различные системы и школы этого рода имеются во всех высокоразвитых религиях. Разрабатывая веками практические приемы воздействия воли на человеческий организм и на внешнюю материю и подводя человека к этому лишь после длительной нравственной подготовки и многостороннего искусства, они поднимали и поднимают сотни, может быть, даже тысячи людей, до того, что в просторечии именуется чудотворчеством. Эту методику, крайне трудоемкую и вызывающую жгучую ненависть современных филистеров, отличает один принцип, науке чуждый: принцип совершенствования и трансформации собственного существа, вследствие чего физический и эфирный покровы личности становятся более податливыми, эластичными, более послушными орудиями воли, чем у нас. Этот путь приводит к таким легендарным якобы явлениям, как телесное прохождение сквозь предметы трехмерного мира, движение по воздуху, хождение по воде, мгновенное преодоление огромных расстояний, излечение неизлечимых и слепорожденных и, наконец, как наивысшее, чрезвычайно

редкое достижение – воскрешение мертвых. Здесь налицо овладение законами нашей материальности и подчинение низших из них высшим, нам еще неизвестным. И если в XX столетии большинство из нас успевает прожить всю жизнь, так и не столкнувшись с бесспорными случаями подобных явлений, то из этого вытекает не то, что подобных явлений не бывает, и не то, что они принципиально невозможны, но лишь то, что условия безрелигиозной эры – культурные, социальные и психологические – до такой степени затрудняют изучение и усвоение этой методики (особенно на Западе и еще больше в странах социалистического лагеря), что сводят количество подобных случаев к немногим единицам. Некоторые воистину роковые для человечества события, имевшие место около двух тысяч лет назад, – о них речь будет впоследствии – повинны в том, что вовлечение не единиц, а множеств человеческих на этот путь познания и овладения материей оказалось невозможным. В дальнейшем психологический климат безрелигиозной эры все более и более тормозил движение по этому пути. Ныне освоение этой методики затруднено до предела, а в некоторых странах практически невозможно совсем. Но нет оснований думать, что таким медленным и трудоемким этот путь останется навсегда: безрелигиозная эра – не бесконечна, мы живем в ее конце. Трудно представить себе что-нибудь столь же тяжеловесное, несовершенное, грубое и жалкое, чем достижения современной техники в сравнении с достижениями той методики, о которой я говорю. Если бы на ее развитие и усвоение были бы брошены такие средства и такие неисчислимые людские резервы, какие ныне поглощены развитием методики научной, – панорама человеческой жизни, нашего творчества, знаний, общественного устройства и нравственного облика изменилась бы в самых основах. Психологический климат эпохи Розы Мира создаст для развития именно этой методики такие благоприятные условия, как никогда. Но это – дело будущего, и притом не слишком близкого. А пока это не стало настоящим, нам предстоит пользоваться в основном иной методикой, гораздо менее совершенной, не ведущей далеко, но повсеместно господствующей теперь.

Отсюда и общее отношение Розы Мира к науке и технике на текущем историческом этапе. Кропотливо накапливая факты, выводя из них кое-какие закономерности, не понимая ни природы их, ни направленности, но овладевая ими механически, и при этом будучи не в силах предугадать, к каким изобретениям и социальным потрясениям приведут ее открытия, – наука давно доступна всем, независимо от морального облика каждого. Результаты – у нас перед глазами и у нас над головой. Главный из них тот, что ни один человек на земле не гарантирован, что в любую минуту на него и на его сограждан не будет сброшена высокоинтеллектуальными умами водородная бомба или другое, еще более ошеломляющее достижение науки. Естественно поэтому, что одним из первых мероприятий Розы Мира после ее прихода к контролю над деятельностью государств будет создание Верховного ученого совета – то есть такой коллегии, которая выделится внутренними кругами самой Розы Мира. Состоящий из лиц, сочетающих высокую научную авторитетность с высоким нравственным обликом, Совет возьмет под свой контроль всю научную и техническую деятельность, направив свою работу по двум путям: планирующему и оберегающему.

Все, что относится к обереганию жизненных интересов человечества, представляется, в общем, достаточно ясным, во всяком случае в своих принципах, и вряд ли на этом нужно останавливаться здесь. Что же касается проблем, связанных с обереганием интересов животного и растительного царств, то они будут освещены в соответствующих разделах книги, посвященных животному миру и мирам стихий. Потому что это – едва ли не единственная область, в которой воззрения Розы Мира и взгляды большинства современных ученых не могут быть примирены. Впрочем, это противоречие затрагивает не какие-либо выводы науки, а лишь некоторые из ее частных практических методов, которые не только в глазах Розы Мира, но и в глазах почти любого религиозно-нравственного учения и даже почти любого гуманного человека несовместимы с элементарными требованиями добра.

Кроме этих чисто методологических противоречий, между Розой Мира и наукой никаких точек столкновения нет и не может быть. Им негде сталкиваться. Они о разном. Не случайно, вероятно, то обстоятельство, что большинству крупных ученых XX века их научная эрудированность не мешала обладать личной религиозностью, не мешала им разделять и даже создавать яркие спиритуалистические системы философии. Эйнштейн и Планк, Павлов и Лемэтр, Эддингтон и Милн¹⁴, каковы бы ни были области их научных изысканий, оставались каждый по-своему глубоко верующими людьми. Разумеется, я не принимаю при этом во внимание русских ученых советского периода, некоторые из коих вынуждены были заявлять о своем материализме не из философских соображений, а в силу совершенно иных причин, для всякого понятных. Оставим же в покое философию и политику: в чисто научных областях Роза Мира не утверждает ничего из того, в чем наука имеет право на отрицание. Налицо другое: о тех реальностях, которые утверждает Роза Мира, наука пока молчит. Но и это – явление недолговременное. Что же касается социальных, культурных, этических задач, стремиться решить которые будет Роза Мира, то невозможно представить, чтобы они встретили со стороны научных авторитетов какие-либо возражения по существу.

Думается, что уже и не самая идея планирования науки будет тогда предметом дискуссии, а границы того, что охватывается планированием, и его практика. Не будет лишено, вероятно, некоторого интереса специальное изучение практики планирования и координации научных работ в некоторых государствах середины XX столетия. Но воспользоваться можно будет лишь отдельными их деталями, хотя бы уже потому, что Федерация будет состоять из многих государств, больших и малых, только что объединившихся, стоящих на разных ступенях экономического развития, формировавшихся в лоне различных культур и обладающих различными социально-политическими укладами. Некоторые из этих укладов, отличающиеся большей социализацией экономических отношений, будут легче вовлекаемы в общий неизбежный процесс всемирной социализации; другие, привычные к анархии производства, втянутся в него постепенно. Все это, равно как и многообразие культурных типов, будет создавать в первый период чрезвычайную пестроту мировой экономики и воздействующих друг на друга культурных укладов. Долго еще будут давать себя знать и застарелые национальные антагонизмы. Не сразу удастся уравновесить и согласовать нужды отдельных стран и отдельных слоев населения, заинтересованных, например, в первоочередном развитии таких-то и таких-то отраслей промышленности там-то и там-то или в сбыте своей продукции куда-нибудь. От тех, кто будет возглавлять Ученый совет и самое Розу Мира, потребуются для справедливого решения этих проблем некое новое психологическое качество – преодоленность в собственном существе господства местных, столь пока еще естественных, культурно-расовых привязанностей, полное национальное беспристрастие. Сколько усилий, какая авторитетность и даже самопожертвование потребуются хотя бы для того, чтобы ослабить застарелые антагонизмы – англо-арабский, например, русско-польский или армяно-турецкий! Каким поведением заслужат немцы, англичане, русские или американцы забвение той вражды, которую они возбудили к себе во стольких нациях? Какие воспитательные средства потребуются для того, чтобы разрушить комплекс ущемленного самолюбия, мешающий многим малым и средним нациям дружелюбно относиться к своим соседям и перерастающий в агрессивные мечты о достижении собственного величия за счет величия других? Но это – только одна сторона задачи.

Многим западным нациям придется вытравить в себе малейшие следы старинного чувства превосходства своего перед другими. Русскому придется понять, что его страна – не венец создания и, уж во всяком случае, не лучше многих других. Англичанин вынужден будет совершить титаническую внутреннюю работу, чтобы отрешиться от невольного предпочтения интересов жителей Британских островов интересам жителей Индонезии или Танганьики. От фран-

¹⁴ Эдуард Артур Милн (1896–1950) – английский астрофизик.

цуза потребуется умение принимать к сердцу интересы Парагвая или Таиланда так же горячо, как и свои собственные. Китаец или араб освободят свое сердце и ум от вскормленного столыкими веками когда-то справедливого, а теперь устаревшего недоверия к европейцам и научатся уделять потребностям Бельгии или Греции внимания не меньше, чем потребностям Жэхэ¹⁵ или Судана. Жителям латиноамериканских республик придется отучиться от привычки заботиться и плакаться только о себе и принять участие в распределении мировых благ с учетом нужд Афганистана, Камбоджи и даже Якутии. А гражданам Соединенных Штатов надлежит вспомнить, что они почитаются христианами и что христианство несовместимо со звериной ненавистью к какой бы то ни было расе, хотя бы и черной. Трудно, трудно это, – ясно, что ужасно трудно, но избавление от войн и тираний – только через эту психологическую самопеределку. И уж конечно, надеяться на участие в работе всемирных планирующих органов не может ни один человек, не завершивший над собою подобной операции. Придется учиться даже национальному самопожертвованию: о, не своею кровью, разумеется, не жизнью своих сынов, а только долларами. Ибо наиболее богатым странам предстоит в какой-то мере поделиться своими ресурсами с народами Востока и Юга, и поделиться притом бескорыстно, безо всяких надежд сделать из этой помощи удачный бизнес. Короче говоря, каждый, причастный к руководству Розы Мира, должен уметь чувствовать себя, прежде всего, членом космического целого, потом – членом человечества и только уже после всего этого – членом нации. А не наоборот, как учили и учат нас доселе.

Потому что общая цель Розы Мира, точнее – того гигантского духовного процесса, который начался тысячелетия назад и лишь этапом которого является Роза Мира, – так вот, цель этого процесса – просветление Шаданакара, а ближайшая эпохальная задача – чтобы достойный человека материальный достаток, простое житейское благополучие и элементарно нравственные отношения между людьми водворились везде, не оставляя вне своих пределов ни одного человека. Тезис о том, что всякому человеку без исключения должны быть обеспечены занятия, отдых, досуг, спокойная старость, культурное жилище, пользование всеми демократическими свободами, удовлетворение основных материальных и духовных потребностей, начнет стремительно воплощаться в жизнь.

Не скоро, лишь в последних главах смогу я осветить те конкретные мероприятия, ту систему последовательных реформ, благодаря которым, как мне представляется, эти принципы могут облечься плотью и кровью. Пока – речь только о принципах. Чтобы тот, в ком эти принципы не возбуждают сочувствия, не тратил времени и сил на дальнейшее чтение, а сочувствующий понял внутренний дух Розы Мира прежде, чем перейти к размышлению о путях превращения этих идеалов в жизнь.

Таков принцип отношения Розы Мира к науке и технике, насколько можно дать понять этот принцип, не забираясь пока в метаисторическую и трансфизическую глубь. И такова должна быть роль научного метода в ряду ближайших эпох.

Пройдет несколько десятилетий. Прогрессирующий рост производительных сил достигнет того уровня, который мы будем вправе назвать всеобщим достатком. Условия жизни, какими пользуются теперь граждане передовых стран, водворятся в самых диких уголках земного шара. Обращение на мирные цели тех невероятных сумм, которые сейчас тратятся на вооружение, сообщит экономическому прогрессу почти непредставимые темпы. Период всеобщего начального обучения будет во всех странах преодолен, вероятно, еще раньше; в дальнейшем и среднее всеобщее образование начнет представляться уже недостаточным. Очертания интеллигенции совпадут с очертаниями человечества. Развитие новых и новых средств связи, их общедоступность, их комфорт фактически уничтожат проблему международного и межкультурного пространства. Рабочий день, сокращаясь все более, высвободит

¹⁵ Жэхэ – нагорье на северо-востоке Китая.

новые резервы времени. Физиология разработает аппаратуру, помогающую человеческому мозгу быстро и прочно запоминать воспринимаемые им сведения. Досуг станет возрастать. И те вопросы, которые волнуют сейчас большинство, – интересы хозяйства, организации производства, улучшения продукции, промышленной техники, дальнейшего совершенствования жизненных удобств – потеряют свою остроту. Весьма правдоподобно даже, что тем поколениям будет непонятно и странно, как могли их предшественники увлекаться и кипятились при решении столь скучных и плоских проблем. Запасы сил обратятся на создание ценностей высшего порядка, ибо материальная основа жизни не будет подвержена никаким колебаниям, всеобъемлюща и совершенно прочна.

Проблемы техники и экономики перестанут привлекать к себе преимущественное внимание. Они будут решаться в соответствующих коллективах, а широкой гласности их будут предавать не больше, чем теперь предают вопросы общественной кухни или водопровода. И человеческая одаренность обратится на другое: на то, что будет диктоваться жаждою знания, любовью ко всему живущему, потребностью в высших формах творчества и влюбленностью в красоту.

Жажда знания, когда-то толкавшая исследователей в плавание по неведомым морям, в блуждания по нехоженным материкам, бросит их сперва – возможно, еще до прихода Розы Мира – в космонавтику. Но чужие планеты негостеприимны; после нескольких разведывательных экспедиций эти полеты прекратятся. И сама жажда знания начнет менять свою направленность. Будут разработаны системы воспитания и раскрытия в человеческом существе потенциально заложенных в нем органов духовного зрения, духовного слуха, глубинной памяти, способности к произвольному отделению внутренних, нематериальных структур человека от его физического тела. Начнутся странствия по нематериальным мирам, по открывающимся слоям Шаданакара. То будет век Магелланов планетарного космоса, Колумбов духа.

Какая же система взглядов на личность, на ее ценность, на ее права и долженствование, на пути ее совершенствования будет способствовать водворению нового психологического климата, ускорит наступление этого золотого века?

Именно в том факте, что личность содержит единоприродные с Божеством способности творчества и любви, заключена ее абсолютная ценность. Относительная же ее ценность зависит от стадии ее восходящего пути, от суммы усилий – ее собственных и Провиденциальных, – затраченных на достижение ею этой стадии, и от того, в какой степени она эти способности богосотворчества и любви выявляет в жизни.

Земной отрезок космического пути восходящей монады¹⁶ являет собой такой этап, на котором ее способности к творчеству и любви уже могут и должны распространяться на окружающую ее природную и искусственную среду, ее совершенствуя – то есть преодолевая в этой среде тенденцию к изолированному самоутверждению частей и частиц за счет других. Зло заключается именно в такой тенденции, как бы она ни выражалась. Формами и масштабами оно разнообразно почти до бесконечности, но основа всегда одна и та же – стремление к утверждению себя за счет остальных и всего остального.

Старинные религии усматривали мерило относительной ценности личности в степени выполнения ею предписаний данного религиозно-нравственного кодекса. Религии аскетической окраски наивысшей ступенью полагали святость, понимая под нею чистейший образец иноческого служения либо мученичество за веру. При этом любовь отступала на второй план. Иноческий или мученический подвиг совершался не в силу любви к людям и ко всему живому, но в силу жажды воссоединения с Богом и избавления от посмертных мук. Конечно, я имею здесь в виду доминирующее направление, преобладающее настроение, а не образы таких изу-

¹⁶ Монада (от *греч.* μονάδα – единое). По Андрееву, монада – богосотворенная первооснова человеческого (и не только) существа. Монада практически неуничтожима. В некотором смысле родственна понятию *душа*.

мительных отдельных деятелей, апостолов любви, как св. Франциск, Рамануджа или Миларайба¹⁷.

Как это ни чудовищно для нас, но даже вечные мучения грешников в аду не вызывали в большинстве адептов этих религий стремления к тому, чтобы просветить мировые законы, в том числе и Закон возмездия, или кармы. Вечное возмездие за временное нарушение их казалось справедливым актом Божества или, во всяком случае (как в брахманизме), непререкаемым и абсолютно непреодолимым законом. Будда как свеча горел огнем сострадания, но и он учил только тому, как вырваться из круга железных законов мира, а не тому, как просветить и преобразить их. Что касается творчества, то его врожденность монаде не создавалась совсем, даже понятия такого не было, а конкретным видам творчества, доступным человеку, не придавалось значения, исключая религиозное творчество в узком смысле: духовное делание, богословие, проповедничество, храмовое строительство, культ.

Другие религии, не склонные к аскетизму, как ислам и протестантизм, видоизменили этот идеал, расширили его и вместе с тем снизили, сделав его более доступным, более народным, вплоть до исполнения нескольких заповедей по отношению к Богу, к государству, к ближайшему окружению, к семье и, наконец, к самому себе. Приходится повторить, что ни та ни другая группа религий задач преобразования общества, и тем более природы, ни перед кем не ставила. Сообразно этому представление и о долженствовании личности оставалось ущербным и узким. Естественно, что подобные задачи, но в крайне упрощенном виде, были поставлены наконец учениями безрелигиозными. Провозглашался сниженный и противоречивый этический идеал, механически сочетавший некоторые прогрессивные черты с такими, которые шли вразрез с этическим минимумом, давно, казалось бы, бесспорным. Вспомнили старую формулу «цель оправдывает средства» и, опасаясь провозгласить ее с честной откровенностью, стали пользоваться ею практически. При характеристиках и оценках исторических явлений их моральное качество игнорировалось полностью; вердикты выносились, лишь исходя из учета общей прогрессивной или реакционной направленности данного явления. Никого не смущало, что это приводит к оправданию кровавой деятельности многих деспотов прошлого и даже таких вопиющих массовых побоищ, как якобинский террор или деятельность опричнины. Многие старые достижения социального прогресса, как свобода слова, печати или религиозной пропаганды, были отброшены. Поколения, воспитанные в подобной атмосфере, постепенно теряли самую потребность в этих свободах – симптом, говорящий выразительнее любых тирад о потрясающем духовном регрессе общества. Таким образом, при приближении к идеалу в том виде, в каком он представал в реальности, обесценивалось и то положительное, что он заключал. Ибо впереди рисовалось лишь царство материальной сытости, купленной ценой отказа от духовной свободы, многомиллионными гекатомбами человеческих жизней и сбрасыванием в низшие слои Шаданакара миллиардов душ, отдавших за чечевичную похлебку свое божественное первородство¹⁸.

Надо надеяться, что страшный урок не пройдет даром.

Учение Розы Мира указывает на абсолютную ценность личности, на ее божественное первородство: право на освобождение от гнета бедности, от гнета агрессивных обществ, на благополучие, на все виды свободного творчества и на обнародование этого творчества, на религиозные искания, на красоту. Право человека на обеспеченное существование и пользо-

¹⁷ Святой Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226) – итальянский религиозный деятель. Родился в Ассизи в зажиточной семье. В 1206 г., отказавшись от богатства, ушел из дома и посвятил себя проповеди «святой бедности» как совершенной формы любви к Богу. Основал братство миноритов («меньших братьев»), позже преобразованное в орден францисканцев. Обладал огромным моральным авторитетом. Канонизирован в 1228 г. Рамануджа – индийский религиозный мыслитель (XI в.), основатель и крупнейший представитель вишишта-веданты – разновидности веданты. Миларайба (Миларепа) – буддийский монах-отшельник, поэт, живший в IX в.

¹⁸ Книга Бытия (25: 30, 34). Исав, старший сын Исаака, продал Иакову (младшему сыну Исаака) право первородства за миску чечевичной похлебки.

вание благами цивилизации есть такое врожденное ему право, которое само по себе не требует отказа ни от свободы, ни от духовности. Уверять, будто бы здесь заключена какая-то роковая дилемма, что ради достижения всего только естественных, само собой разумеющихся благ надо жертвовать личной духовной и социальной свободой, – это значит вводить людей в обман.

Учение укажет и на *долженствование* личности: на последовательное расширение сферы того, что охватывается ее любовью; на возрастание, умножение и просветление того, что создается ее творчеством. Творчество, таким образом, оказывается и правом, и долженствованием. Я до сих пор не могу понять, каким образом эта воистину божественная способность человека не встретила должного отношения к себе ни в одной из старинных религий, кроме некоторых форм многобожия, в особенности эллинского. Кажется, только в Элладе умели боготворить не только произведения искусства, но самую творческую способность, именно творческую, а не производительную, как в других формах политеизма, и даже венчать апофеозами великих деятелей искусства. Печально и странно, что после угасания Эллады творческий дар перестал привлекать к себе взор религий, не осмыслился больше ни онтологически, ни метафизически, ни мистически. Под влиянием односторонне понятой семитической идеи о том, что после шести дней творения наступило упоение Божественного творческого духа, даже вопрос о дальнейшем творчестве Самого Бога богословская мысль предпочитала обходить стороной, и речение Божества, запечатленное в Откровении Иоанна – «Се, творю все новое»¹⁹, – осталось единичным взлетом, единичным прозрением. К человеческому же творчеству установилось и вовсе подозрительное отношение, как будто гордыня, в которую может впасть человек-творец, более опасна и губительна, чем творческое бесплодие. К сожалению, не менее прискорбная точка зрения на творчество человека установилась и в религиях индийского корня.

Последние века западных культур, столь богатые проявлениями гениальности во всех областях искусства, в науке и в философии, научили нас многому. Научили они нас и благоговейному отношению к человеческому творчеству, и уважению к человеческому труду. Но безрелигиозный дух этих веков способствовал в этом вопросе как раз тому, чего боялись старинные религии: человеку-творцу сделалась свойственной гордыня своим творческим даром, как если бы самый этот дар он создал в себе сам. Впрочем, эта самостность свивала себе гнездо не столько в душах подлинных гениев, и тем более духовных вестников, сколько в ряду второстепенных деятелей наук и искусств. Более подробному рассмотрению этих проблем под углом зрения Розы Мира будет в настоящей книге посвящен ряд специальных глав.

Во всяком случае, творчество, как и любовь, не есть исключительный дар, ведомый лишь избранныкам. Избранныкам ведомы праведность и святость, героизм и мудрость, гениальность и талант. Но это – лишь раскрытие потенций, заложенных в каждой душе. Пучины любви, неиссякаемые родники творчества кипят за порогом сознания каждого из нас. Религия итога будет стремиться разрушить эту преграду, дать пробиться живым водам сюда, в жизнь. В поколениях, ею воспитанных, раскроется творческое отношение ко всему, и самый труд станет не обузой, но проявлением неутолимой жажды создавать новое, создавать лучшее, творить свое. Все последователи Розы Мира будут наслаждаться творческим трудом, обучая этой радости детей и юношество. Творить во всем: в слове и в градостроительстве, в точных науках и в садоводстве, в украшении жизни и в ее умягчении, в богослужении и в искусстве мистериялов, в любви мужчины и женщины, в пестовании детей, в развитии человеческого тела и в танце, в просветлении природы и в игре.

Потому что всякое творчество, кроме демонического, совершаемого во имя свое и для себя, есть богосотворчество: им человек поднимает себя над собой, обоживая и собственное сердце, и сердца других.

¹⁹ Откр. 21: 5.

В смысле личного духовного совершенствования большинство людей движутся по медленному и широкому пути. Этот путь проходит через браки и деторождения, сквозь причастность различным формам деятельности, сквозь полноту и пестроту впечатлений жизни, сквозь ее радости и наслаждения. Но есть и Узкий Путь: он надлежит тем, кто носит в своей душе особый дар, требующий жесткого самоограничения: дар святости. Несправедливы религиозные учения, утверждающие Узкий Путь как единственно правильный или наивысший. И столь же не правы общественные или религиозные системы, отрицающие его вовсе и воздвигающие препятствия перед теми, кто чувствует себя призванным именно к такому пути. Вряд ли в эру Розы Мира монастыри будут многочисленными; но они – будут, чтобы всякий, кого духовная жажда гонит на Узкий Путь, мог бы работать над раскрытием в себе таких способностей души, которые нуждаются в многолетнем труде среди тишины и уединения. Если на Узкий Путь человек встает из страха перед возмездием или из-за мечты о личном, себялюбивом, замкнутом общении с Божеством, его победы не имеют цены. Никакого Божества, дарующего в награду своим верным рабам блаженное созерцание его величия, – нет. Созерцание высших сфер есть выход личности из себя и приобщение Единому, объемлющему все монады и зиждущему весь мир. Поэтому последователя Розы Мира может принудить стать на Узкий Путь не духовный эгоизм, не жажда личного спасения при холодном безразличии к другим, но понимание, что на Узком Пути раскрываются такие дары, которыми праведник будет помогать миру из уединения более действенно, чем сотни живущих в миру, и которые в посмертии становятся такою силой, что перед ней преклоняются даже могучие демонические иерархии.

Нет никакой надобности в страшных клятвах, сопровождающих постриг. Нет основания для осуждения и поношения того, кто по истечении ряда лет ушел с пути. Вступающий будет давать сперва только временный обет: на три года, на пять, на семь. Лишь после успешного завершения таких этапов он, если хочет, получит право принесения обета на более длительный срок; и все же сознание безвозвратности, подозрение непоправимой ошибки не будет томить и давить его, порождая отчаяние и бурные вспышки неизжитого: он будет знать, что по истечении срока волен вернуться в мир, волен избрать любой образ жизни, любой труд, волен иметь семью, детей, не заслужив этим ни от кого ни порицания, ни пренебрежения.

Я постарался предвосхитить отношение Розы Мира к научному и к вненаучным методам познания, к личности, к ее правам и долженствованию, к человеческому творчеству и труду, теперь – к двум основным видам духовного пути: Широкому и Узкому. Чтобы восполнить представление об ее отношении к культуре, следовало бы остановиться на ее воззрениях на искусство – в широком смысле слова. Но этот вопрос столь многозначен и важен, а лично мне столь близок, что я решил посвятить ему серию глав в одной из дальнейших частей книги. Поэтому, прежде чем перейти к вопросу об отношении Розы Мира к другим религиям, скажу об искусствах приближающейся эры лишь несколько беглых слов.

Какими же чертами может отличаться искусство, которое создадут люди, причастные духу Розы Мира, в ближайшие эпохи, когда солнце золотого века только начнет еще озарять облака над горизонтом?

Было бы наивно пытаться предугадать или очертить многообразие художественных направлений, жанров, школ, стилистических приемов, которыми засверкает эта сфера культуры к концу текущего столетия. Но будет, мне кажется, определяться некий преобладающий стиль, не исчерпывающий, конечно, всех течений искусства (в условиях максимальной свободы это невозможно, да и не нужно по той же причине), но призванный стать в искусстве и литературе последней трети века некоторой, как теперь говорят, магистралью. В этом стиле найдет свое выражение присущее Розе Мира восприятие вещей: восприятие *сквозящее*, различающее через слой физической действительности другие, нематериальные или духовные слои. Такое мировосприятие будет далеко от нарочитого оптимизма, боящегося нарушить собственную безмятежность вниманием к темным и трагическим сторонам бытия. Творцы этого

искусства не станут избегать созерцания горестной и страшной изнанки мира. Они сочли бы за малодушие жажду забыть о кровавом пути истории, о реальности грозных, инфрафизических слоев Шаданакара, об их беспощадных законах, удерживающих в узах нечеловеческих мук неисчислимые сонмища несчастных, и о тех наипошаснейших срывах общечеловеческого духа, которые подготавливаются силами Противобога и осуществляются в истории почти неизбежно, когда исчерпает свое поступательное движение золотой век. Но высокая степень осознания не воспрепятствует их любви к миру, к земле, не уменьшит их радостей, порождаемых природой, культурой, творчеством, общественным служением, любовью, дружбой, – напротив! Разве сознание скрытых опасностей, грозящих тому, кого любишь, ослабляет жар любви? – Будут чудесные создания еще небывалой полноты жизнеутверждения, чистоты и веселия. В руслах всех искусств – тех, которые уже есть, и тех, которые возникнут, – появятся искрящиеся, как водяные брызги в солнечных лучах, произведения творцов будущего о любви, более многосторонней, чем наша, о молодости, о радостях домашнего очага и общественной деятельности, о расширении человеческого сознания, о раздвижении границ восприятия, о стихиялях, подружившихся с людьми, о вседневной близости невидимых еще теперь *друзей нашего сердца*, да и мало ли о чем, что будет волновать людей тех эпох и чего мы не в состоянии себе представить.

Мне кажется, такое искусство, мужественное своим бесстрашием и женственное своим любвеобилием, мудрое сочетание радости и нежности к людям и к миру с зорким познаванием его темных глубин, можно было бы назвать сквозящим реализмом или метареализмом. И следует ли говорить, что не непременно нужно произведению искусства быть образцом сквозящего реализма, чтобы люди, причастные духу Розы Мира, сумели ему радоваться и восхищаться? Они будут радоваться всему, что отмечено талантом и хотя бы одной из этих особенностей: чувством прекрасного, широтой охвата, глубиной замысла, зоркостью глаза, чистотой сердца, веселием души.

Наступит время, когда этический и эстетический уровень общества и самих деятелей искусств станет таков, что отпадет всякая надобность в каких-либо ограничениях, и свобода искусств, литературы, философии и науки станет полной. Но между тем моментом, когда Роза Мира примет контроль над государствами, и эпохой этого идеального уровня пройдет несколько десятилетий. Не из мудрости, а из юношеской незрелости могла бы возникнуть мысль, будто общество уже достигло тех высот развития, когда абсолютная свобода не может породить роковых, непоправимых злоупотреблений. Вначале придется вручить местным филиалам Всемирного художественного совета, кроме других, более отрадных функций, также и этот единственный контроль, через который будет проходить художественное произведение перед его обнародованием. Это будет – если не обидится читатель на шутку – лебединой песнью цензуры. Сначала, когда национальные антагонизмы и расовые предрассудки еще не будут изжиты, а агрессивные организации будут еще играть на этих предрассудках, придется налагать запрет на любую пропаганду вражды между теми или иными группами населения. Позднее контроль еще будет сохраняться над книгами и учебными пособиями, популяризирующими научные и философские идеи, в том единственном, однако, направлении, чтобы они не оказались неполноценными, легковесными или искажающими объективные факты, – не вводили бы некавалифицированного читателя в заблуждение. Над художественными произведениями еще удержится, мне кажется, контроль, требующий от них некоторой минимальной суммы художественных достоинств, оберегающий книжный рынок от наводнения безвкусицей, эстетически безграмотной макулатурой. И наконец, дольше всего удержится, вероятно, безусловный запрет, наложенный на порнографию. С отменой же каждого из этих ограничений его будет заменять другое мероприятие: после выхода в свет недоброкачественного произведения Всемирный художественный совет или Всемирный ученый совет опубликует свое авторитетное о нем суждение. Этого будет достаточно. Разумеется, не так-то легко будет выработать такую систему заполнения кресел в этих советах, которая гарантировала бы все области куль-

туры от вмешательства в руководящую ими деятельность людей с узкопартийными или узкошкольными взглядами, нетерпимых сторонников какого-либо одного художественного течения или философской концепции, либо, наконец, защитников творческих интересов какой-нибудь ограниченной группы, нации или поколения. Мне не думается, однако, что в психологической атмосфере Розы Мира подобная система не могла бы быть выработана.

Если не вдаваться сейчас в разграничение понятий культуры и цивилизации, то можно сказать, что **культура есть не что иное, как общий объем творчества человечества**. Если же творчество – высшая, драгоценнейшая и священнейшая способность человека, проявление им божественной прерогативы его духа, то нет на земле и не может быть ничего драгоценнее и священнее культуры, и тем драгоценнее, чем духовнее данный культурный слой, данная культурная область, данное творение. Культура общечеловеческая еще только возникает; до сих пор мы видели в качестве совершенно оформившихся феноменов лишь культуры отдельных сверхнародов – то есть таких групп наций, которые объединены между собой именно совместно создаваемой, своеобразною культурой. Но каждая из таких культур отнюдь не исчерпывается тою своей сферой, которая пребывает, развиваясь, в нашем трехмерном пространстве. Те, кто эту культуру созидал здесь, продолжают свое творчество и в посмертии – творчество, измененное, конечно, сообразно иным условиям того мира или тех миров, через которые проходит теперь душа человека-творца. Возникает представление о миллионных содружествах подобных душ, о небесных странах и градах над каждым из сверхнародов мира и об Аримоие – ныне возникающей небесной стране культуры общечеловеческой.

Подобный принцип отношения к культуре нов и необычен. Мы вправе были бы даже заметить, что при дальнейшем углублении и детализации он перерастет в обширную мифологию, если бы только под словом «миф» мы не привыкли понимать нечто, не имеющее под собой никакой реальности. Здесь же как раз напротив: речь идет о реальности колоссальных масштабов, которая отражается, сниженно и замутненно, но все же отражается, в подобной мифологеме.

Атмосфера Розы Мира и ее учения создадут предпосылки к тому, чтобы эта мифологема о культуре стала достоянием каждого ума. И пусть во всей ее эзотерической сложности ее сможет охватить лишь ограниченное число сознаний; дух этой концепции, а не буква ее, постепенно сделается доступен почти для всех. И если вдуматься в те психологические перспективы, которые сулит овладение подобной концепцией со стороны масс, то перестанет казаться несбыточной и надежда на создание системы мероприятий, гарантирующей все области культуры от вмешательства людей, не имеющих на руководство этими областями никаких внутренних прав.

Глава 3

Отношение к религиям

Как часто употребляем мы слово «истина» и как редко пытаемся определить это понятие.

Не смутимся же, однако, тем, что повторяем, в сущности, вопрос Пилата²⁰, и попытаемся в меру наших сил разобраться в этом понятии.

Истинными называем мы ту теорию или то учение, которые, на наш взгляд, выражают неискаженное представление о каком-либо объекте познания. В точном смысле слова **истина есть неискаженное отражение какого-либо объекта познания в нашем уме**. И сколько существует на свете объектов познания, столько же может существовать истин.

Но объекты познания познаваемы *от нас*, а не *из себя*. Следовательно, истина о любом объекте познания, познанном от нас, должна быть признана истиной *относительной*. Истина же *абсолютная* есть отражение такого объекта познания, который каким-либо субъектом познан «в себе». Такое познание принципиально возможно лишь тогда, когда противостояние объекта и субъекта снято; когда субъект познания отождествляется с объектом.

Абсолютная истина универсальная есть неискаженное отражение в чем-то сознании Большой Вселенной, познанной «в себе». *Абсолютные истины частные* суть неискаженные отражения какой-либо *части* Вселенной – части, познанной «в себе».

Естественно, что Абсолютная истина Большой Вселенной может возникнуть лишь в сознании соизмеримого ей субъекта познания, субъекта всеведущего, способного отождествиться с объектом, способного познавать вещи не только «от себя», но и «в себе». Такого субъекта познания именуют Абсолютом, Богом, Солнцем Мира.

Бог «в Себе» как Объект познания познаваем только Собою. Его Абсолютная истина, как и Абсолютная истина Вселенной, доступна только Ему.

Ясно, что любая *частная* истина, сколь бы мал ни был объект познания, для нас доступна только в ее *относительном* варианте. Такой агностицизм, однако, не должен быть понят как безусловный: при конечном совпадении любого частного субъекта познания, любой монады с Субъектом Абсолютным для нее становится возможно познание не только «от себя», но и «в себе». Таким образом, правомерен не безусловный, а только *стадиальный* агностицизм.

У частных истин может быть несколько или много вариантов – личных, индивидуальных разновидностей одной частной относительной истины. При этом объекты познания малых (сравнительно с субъектом) масштабов отразятся в сознании ряда родственных субъектов почти или полностью идентично: именно родственность многих субъектов между собой обуславливает то, что родственны и их личные варианты той или иной истины. Если бы это было не так, люди были бы лишены возможности понять друг друга в чем бы то ни было. Но чем больше объект познания сравнительно с субъектом, тем больше вызываемых им вариантов. Относительная истина Вселенной и относительная истина Божества порождают столько же личных вариантов, сколько имеется воспринимающих субъектов.

Ясно, стало быть, что все наши «истины» суть, строго говоря, лишь приближения к истинам. И чем мельче объект познания, тем лучше он может быть охвачен нашим познанием, тем уже разрыв между его абсолютной истиной и нашей относительной истиной о нем. Впрочем, в соотношении масштабов субъекта и объекта имеется граница, ниже которой разрыв между абсолютной и относительной истиной вновь начинает возрастать: например, разрыв между абсолютной истиной какой-нибудь элементарной частицы и нашей относительной исти-

²⁰ Ин. 18: 38: «Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем».

ной о ней чрезвычайно велик. Между же Абсолютной истиной Вселенной, Абсолютной истиной Божества – и нашими относительными истинами о них разрыв велик необъятно.

Я высказываю мысли, которые после Канта²¹ должны, казалось бы, быть общеизвестными и общепринятыми. Однако, если бы они были усвоены каждым религиозно чувствующим и религиозно мыслящим человеком, ничьи претензии на личное или коллективное познание Абсолютной истины, ничьи претензии на абсолютную истинность какой-либо теории или учения не могли бы иметь места.

Как показано выше, Абсолютная истина есть достояние только Всеведущего Субъекта. Если бы такой истиной обладал какой-нибудь человеческий субъект, например коллективное сознание конкретно-исторической церкви, это обнаруживалось бы объективно в безусловном всеведении этого коллективного сознания. И тот факт, что таким всеведением не обладают ни один человеческий коллектив и ни одна личность, лишний раз показывает беспочвенность претензий какого бы то ни было учения на абсолютную истинность. Если бы представители Розы Мира вздумали когда-нибудь претендовать на абсолютную истинность ее учения, это было бы так же беспочвенно и нелепо.

Но столь же беспочвенно и нелепо утверждение, будто бы все учения или какое-либо одно учение *ложно*. Совершенно ложных учений нет и не может быть. Если бы появилось мнение, лишенное даже крупницы истинности, оно не могло бы стать учением, то есть переданной кому-то суммой представлений. Оно осталось бы собственностью того, кто произвел его на свет, что и случается, например, с философическими или псевдонаучными построениями некоторых душевнобольных. Ложными, в строгом смысле слова, могут быть только отдельные *частные* утверждения, которым способен придавать иллюзию истинности заемный свет от частноистинных тезисов, соседствующих с ним в общей системе. Однако имеется известное соотношение количества и весомости частноистинных и ложных тезисов, при котором сумма ложных начинает обесценивать крупницы истины, в данном учении заключенные. Далее следуют учения, в которых ложные утверждения не только обесценивают элемент истинного, но переводят всю систему в категорию отрицательных духовных величин. Подобные учения принято именовать учениями «левой руки». Будущее учение Противобога, которым, по-видимому, ознаменуется предпоследний этап всемирной истории, построится таким образом, что при минимальном весе частноистинного элемента свет от него будет придавать вид истинности максимуму ложных утверждений. Этим и обусловится то обстоятельство, что это учение будет запутывать человеческое сознание в тенетах лжи прочнее и безвыходнее, чем какое бы то ни было другое.

Религии, к разряду учений «левой руки» не относящиеся, разнствуют между собой не в силу истинности одной из них и ложности остальных, а по двум совершенно другим координатам. А именно:

- во-первых – в силу различных ступеней своего восхождения к абсолютной истине, то есть сообразно убыванию в них субъективного, эпохального элемента. Это *стадиальное* различие можно условно назвать различием *по вертикали*;
- во-вторых – они разнствуют между собой в силу того, что говорят о разном, отражают различные ряды объектов познания. Этот род различий – различий *сегментарных* – можно условно назвать различиями *по горизонтали*.

Оба вида различий не следует ни на минуту упускать из виду при рассмотрении вопроса об отношении Розы Мира к другим религиям.

В развитии науки мы наблюдаем непрерывный процесс накопления относительных частных истин и их совершенствование, уточнение. На очередной стадии отвергаются обычно не

²¹ Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Автор учения о непознаваемых «вещах в себе» (объективном источнике ощущений) и познаваемых явлениях, образующих сферу бесконечного возможного опыта.

ряды накопленных ранее фактов, а лишь их устаревшее толкование. Случаи, когда старый ряд фактов ставился под сомнение и отвергался, как это произошло, например, с алхимией, – сравнительно редки. Но в истории религий господствуют, к сожалению, иные обычаи. Вместо преемственно сменяющих друг друга осмыслений, не подвергающихся сомнению духовных фактов, мы видим чаще всего, как на очередной стадии религиозного развития отвергаются значительные ряды ранее постигнутых относительных, частных истин, а свой, новый ряд их, со включением некоторого числа старых, выдается за абсолютное. Это наблюдение особенно справедливо по отношению к смене так называемых языческих религий системами монотеизма.

Ясно, что сохранение нами подобных обычаев в условиях расширяющегося кругозора XX столетия привело бы нас, самое большее, к созданию еще одной секты. Привнесение в религию научной методики было бы, конечно, грубой ошибкой, столь же незаконной, как перенесение методов искусства на область науки. Но перенять доброе обыкновение ученых – не отвергать, а переосмысливать ряды накопленных ранее относительных истин – давно пора.

Из сказанного вытекает, что никакие учения, кроме учений «левой руки», распознаваемых, прежде всего, по их душевно растлевающему воздействию, не могут быть отвергнуты полностью. Они должны быть признаны недостаточными, обремененными субъективно-человеческими привнесениями: эпохальными, классовыми, расовыми, индивидуальными. Однако зерно относительной истинности, зерно познания «от нас» той или другой области трансфизического мира имеется в каждой из религий, и каждая такая истина драгоценна для всего человечества. Естественно при этом, что объем истинности систем, сложившихся в итоге опыта множества индивидуумов, как правило, больше объема истинности систем, распространенных только у небольших групп. Исключение могут составлять молодые системы, восходящие, быть может, к широкому распространению, но, в силу естественного хода вещей, сперва минующие стадию келейного, или ограниченно группового, существования.

Подобные широко распространенные системы называются в данной концепции – как это будет подробно разъяснено несколько ниже – *мифами*. За мифами всегда стоит та или иная трансфизическая реальность, но она не может быть не искаженной и не запутанной привнесением в миф множества «человеческого, слишком человеческого». Методика высвобождения трансфизического зерна мифов из их человеческой шелухи вряд ли может быть, во всяком случае теперь, строго и точно сформулирована. Пока не удалось еще выработать необходимый для этого механизм критериев, которого в любом случае было бы достаточно. Да и сомнительно, разрешима ли подобная сложнейшая мистическая задача при помощи одного рации. Можно, правда, построить, исходя из телеологии истории, определенную классификацию религий, которая позволила бы выделить религии высокоразвитые в особую группу, и убедиться, что есть тезисы, утверждаемые всей этой группой религий, хотя и с различной степенью чистоты и силы. К их числу принадлежат:

- тезис о единстве Бога;
- о множественности различных духовных иерархий;
- о множественности разнозначных миров;
- о бесконечной множественности становящихся монад;
- а также о существовании некоего общего нравственного закона, который характеризуется посю– или потусторонними воздаяниями за совершенное человеком в жизни.

Во всем же остальном, и даже в истолковании только что перечисленных общих тезисов, мифы либо противоречат один другому, либо говорят о разном.

Однако если во многих случаях индивидуальность субъекта привносит в представления о познаваемом нечто постороннее, сугубо человеческое, то, с другой стороны, столь же многочисленны случаи, когда какая-либо духовная истина может быть воспринята только

определенным складом познающего сознания. Индивидуальность оказывается фактором, не замутняющим познание, но, наоборот, делающим его реально возможным. Телеологический²² процесс в религиозной истории человечества заключался отчасти именно в том, чтобы воздействием исторических и биографических факторов отшлифовать сознание отдельной личности, народа, расы, эпохи таким образом, чтобы сделать его способным к восприятию данных истин, данной трансфизической реальности. Другим же индивидуальностям, народам, расам, эпохам такое отшлифованное определенным образом сознание и его религиозный опыт могли казаться странными, искаженными либо незрелыми, чреватými всякого рода абберациями.

Из сотен возможных примеров я возьму пока один, но чрезвычайно яркий: идею перевоплощений. Глубоко присущая индуизму и буддизму, имеющаяся в эзотерическом иудаизме (каббала), идея эта отвергается ортодоксальным христианством и исламом. Следует ли, однако, думать на основании этой «невсеобщности» идеи, что она представляет собою расовую или стадиально-культурную абберацию индийского сознания? Дело в том, что при согласовании тезисов различных религий надлежит, прежде всего, научиться отсеивать главное от второстепенного, общее от частного. «Общее», главное любого тезиса заключается в *семени* идеи, проявляющем чрезвычайную устойчивость в веках: брошенное в почву различных культурных сред, оно дает различные побеги – различные варианты данного тезиса. Если телеологическая направленность вообще имеется в истории, то, конечно, направленность эта должна сказаться, прежде всего, в бытии именно таких устойчивых духовных семян – в широко распространенных, исповедуемых миллионами сознаний *основах* идеи.

Семя идеи перевоплощений состоит в учении о некоем *Я*, совершающем свое космическое становление или известный отрезок его по ступеням последовательных существований в нашем физическом мире. Все остальное, как то: духовно-материальная природа и структура перевоплощающегося, та или иная зависимость перевоплощений от закона кармы, распространение принципа перевоплощений также на мир животных или отрицание такого распространения, – все это лишь варианты, разновидности основной идеи. И понятно, что в этих вариантах и деталях можно больше и чаще столкнуться с подлинными абберациями, чем в ее семени, для восприятия которого народом индийским телеологические силы работали много веков, затратив неимоверный труд на ослабление у многих его представителей средостения между дневным сознанием и глубинной памятью – хранилищем воспоминаний о путях души до момента ее последнего воплощения. Ошибочность религиозных догматов заключается, по большей части, не в их содержании, а в претензиях на то, что утверждаемый догматом закон имеет всеобщее, универсальное, космическое значение, а утверждаемый догматом факт должен исповедоваться всем человечеством, ибо без этого будто бы нет спасения. Все изложенное приводит нас к признанию подлинности того духовного опыта, который отлился в идею перевоплощений: да, такой путь становления имеет место; ничего принципиально неприемлемого для христианства или ислама в существовании этой идеи *нет*, кроме, разве, того, что об идее перевоплощений до нас не дошло никаких высказываний основателей христианства и ислама (что, впрочем, само по себе ничего не доказывает, так как в Евангелие и Коран попало, как известно, далеко не все, что они говорили). Но решительно ни из чего не следует, что путь перевоплощений будто бы есть единственно возможный, единственно реальный путь становления индивидуального духа. Отшлифованное в таком направлении, чтобы постигнуть этот тип пути, сознание индийского народа, как часто в подобных случаях бывает, абсолютизировало свое открытие, стало глухо к восприятию других типов пути становления. С еврейским и арабским народами произошло то же самое, но под противоположным знаком: восприняв истину о другом пути становления,

²² Телеология (от *греч.* τέλεος — итог, цель и λόγος — слово, учение) — учение о цели и целесообразности. Телеология полагает наличие в мире некоей конечной цели, как правило привнесенной Богом, в соответствии с которой и происходит историческое развитие от простого к сложному, от низшего к высшему.

при котором воплощение в физическом слое совершается лишь один раз, сознание этих народов столь же неправомерно абсолютизировало этот второй тип пути. Этому способствует и то, что в различных метакультурах человечества может вообще преобладать тот или другой тип. В результате возникло между двумя группами мировых религий разногласие, кажущееся неразрешимым. В действительности же обе эти антагонистические идеи истинны в своей основе, фиксируя два из возможных типов пути, и для снятия этого «противоречия» не требуется ничего, кроме отказа каждой из сторон от претензий на универсальную исключительность своей идеи.

Итак, одна из исторических причин непримиримых якобы противоречий между религиями заключается в неправомерной абсолютизации какого-либо тезиса.

А вот и другая причина.

Одним из основных догматов христианства является, как известно, учение о Троичности Божества. Основатель ислама отверг этот догмат, заподозрив в нем реминисценцию многобожия, а главное – потому, что его собственный духовный опыт не заключал в себе положительного указания на подобную истину. Но вряд ли стоит в XX веке повторять аргументацию христианских богословов, в свое время доказывавших и объяснявших коренное различие между догматом Троичности и многобожием: это настолько элементарно, что, надо полагать, теперь и среди магометанских мыслителей не найдется таких, которые, разбираясь в вопросах христианского вероучения, стали бы настаивать на этом ошибочном утверждении. Что же касается второго аргумента – того, что духовный опыт Мухаммеда²³ не содержал подтверждения Троичности, – то он несостоятелен логически. Ничей вообще опыт не может содержать подтверждений всех истинных идей, возникших ранее, в ходе коллективного человеческого богопознания и миропознания. Всякий личный опыт ограничен, только премудрость Всеведущего охватывает всю сумму истин «в себе». Поэтому то обстоятельство, что Мухаммед не пережил своим духовным опытом ничего, подтверждающего тезис Троичности, само по себе никак не должно служить аргументом для опровержения этой идеи, даже в глазах ортодоксальных мусульман. Вместо формулы «Пророк, познав совершенное единство Божие, убедился в ложности учения о Троице» следует, по справедливости, формулировать так: «Пророк, познав совершенное единство Божие, не получил, однако, указаний на Троичность Единого». Вполне естественно, что христианское вероучение не только не имеет никаких возражений против мусульманского учения о Единстве, но полностью с ним совпадает. Оно лишь дополняет этот тезис той идеей, которая одною своей устойчивостью две тысячи лет и своей распространенностью на миллиарды сознаний указывает на истинность своей *основы*

²³ Мухаммед (ок. 570–632) – пророк, основатель ислама. В 610 г. получил откровение Аллаха и выступил в Мекке с проповедью новой веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.